

DK 262
R4
Rare book room

1906

№1

АДСКАЯ ПОЧТА

ЦѢНА

15К

РАДОСТЬ НА НОВОГОДНИ

Рис. М. С.

А

Предисловіе

«Адская Почта» — журнал художников: их духу, свободолюбивому и мятежному (а они истинно свободолюбивы и мятежны, явно или скрытно, если они — истинные художники), тѣсны грани и цѣли освободительныхъ стремленій переживаемаго нами историческаго момента. Они хотятъ послѣдней свободы, и мятежны до конца.

Борьба противъ насилія и насильниковъ, рабства и порабощателей должна исходить изъ любви не къ относительной и ограниченной, но къ безусловной и цѣльной свободѣ. Временныя, обиденныя маски угнетенія и рабства могутъ быть забрасываемы комками уличной грязи; но изъ-подъ измѣнчивыхъ масокъ глядитъ неподвижная враждебная стихія неволи, жестокости и пошлости, и — чтобы не скользнуть только по маскѣ — стрѣлы сатиры должны слетать съ туго натянутого лука конечной непримиримости.

Подъ личинами мѣщанства царствующаго, но уже презираемаго и развѣчиваемаго, намъ виденъ ликъ болѣе живучаго, быть можетъ безсмертнаго мѣщанства. Всякое мѣщанство начинается въ тотъ мигъ, когда успокоился и устроился въ себѣ человекъ и сталъ глухъ къ зазывамъ свободы, сказавъ себѣ: «это ли не довольство? чего мнѣ еще надобно?»

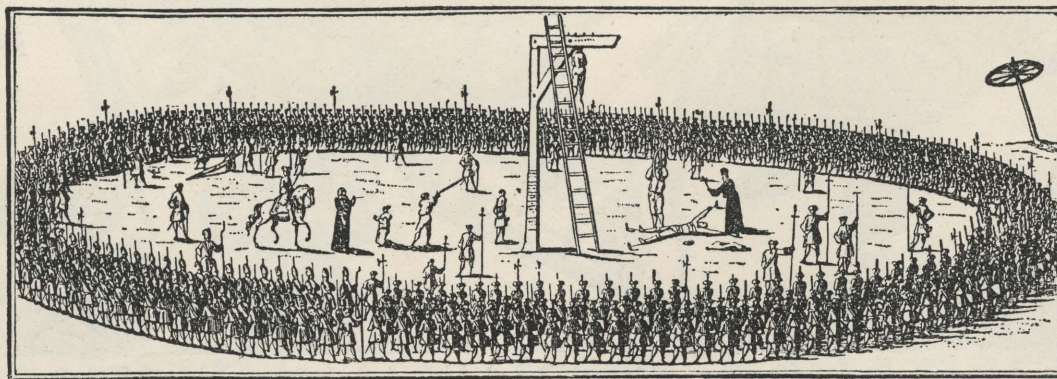
«Адская Почта» хочетъ сдѣлать ощутительнымъ для читателей черный фонъ нашей послѣдней ненависти, на которомъ сигналами братскаго единенія съ борцами за волю и за человека вспыхиваютъ багряныя знамена нашего перваго бунта.

На этомъ черномъ фонѣ будутъ ярче пестрѣть наши балаганныя маски. Изъ чернаго молчанія нашего непримиримаго нѣтъ звонче будутъ вырываться бряцанье бубенцовъ и свистъ бича.

И свѣтлое сверканье кинжалной стали мы любимъ подъ алою пышностью изнѣженныхъ розъ...

«Адская Почта» издавалась въ XVIII вѣкѣ. Она была возобновлена въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. И въ началѣ XX столѣтія воскресаетъ «Адская Почта». Злоба и презрѣніе поколѣній, идушихъ къ свѣту, растутъ. Мы привѣтствуемъ это crescendo ихъ ненависти.

(ТСУ)

Былъ мудрецъ.

Онъ понялъ печальную тайну жизни, тайна наполнила сердце его темнымъ трепетомъ ужаса и во мракѣ ея грустно погасли улыбки земли, тихо умерли радости.

Холоднымъ окомъ разума своего онъ смотрѣлъ въ глубь времени и видѣлъ тамъ тьму; будущее было ясно для него—тамъ была тьма.

Онъ ходилъ по дорогамъ родины своей, по улицамъ городовъ и по селамъ ея, онъ ходилъ, печально покачивая одинокой, мудрой головой, и звучала въ пестромъ шумѣ жизни его проповѣдь, какъ печальный звонъ похороннаго колокола.

— Люди! Вы живете между тьмою и тьмой. Изъ пропасти невѣдѣнія вышли вы, въ туманѣ невѣдѣнія трепещете жизнь ваша, леденая тьма невѣдѣнія ждетъ васъ впереди...

Люди слушали грустную рѣчь его, понимали горькую правду ея и вздыхали, молча глядя въ очи мудреца.

Но, проводивъ его въ одинокій путь мудраго, они шли къ работамъ своимъ и на пириества свои, ѣли хлѣбъ свой, пили веселое вино свое и, со смѣхомъ любуясь играми дѣтей, забывали о нуждахъ своихъ и о горѣ, извѣданномъ ими вчера.

Боролись другъ съ другомъ за власть и богатства, умиленно слушали проповѣдь любви, руками въ крови ближняго своего ласкали милыхъ сердцу красавицъ и устами предателей цѣловали друзей своихъ. Воровали другъ у друга имущество и, обогатившись кражами, горячо защищали собственность, безсовѣстно гнали другъ друга и всѣ говорили, что лишь правда должна быть царицею жизни, а нѣкоторые даже вѣрили въ благодѣтельную силу правды и страдали за вѣру свою. Любили они музыку и счастливо плакали подъ звуки ея, восхваляясь красотой, а вокругъ себя допускали безобразное, совершали отвратительное. Порабощали они другъ друга и говорили, что жаждутъ свободы, презирали подчинявшихся власти ихъ и тайно, трусливо, какъ хитрые звѣри ненавидѣли владыкъ своихъ. И всегда, желая лучшаго, тревожно искали его вокругъ себя, но въ себѣ не умѣли создать это лучшее, поглощенные мелочными заботами объ удобствахъ жизни своей, истощая свой умъ во враждѣ и во лжи, въ грубыхъ хитростяхъ ради торжества ненасытной своей жадности ко благамъ земли.

Такъ, подобно грязнымъ свиньямъ, жили эти забавные чудаки и считали себя падшими ангелами. И была ихъ жизнь какъ вулканъ грязный, вулканъ неистощимый, изрыгавшій въ свѣтлую пустыню небесъ смрадный паръ стонѣвъ и воплей, липкій пепелъ страданій и горя, вонючую грязь вожделѣній звѣринныхъ...

Одинокій мудрецъ, тихо шествуя сквозь суету земли, говорилъ голосомъ всевѣдѣнія:

— Что есть жизнь? Вы не знаете. Что—истина? Вы не скажете. И зачѣмъ вы? Неизвѣстно вамъ. Вотъ въ чемъ ваше несчастье!

И видя, какъ влюбленный обнимаетъ возлюбленную свою, говорилъ имъ печально:

— Смерть ждетъ васъ и потомство ваше...

И видя, какъ люди строили роскошныя жилища себѣ, говорилъ, укоряя:

— Все сіе—въ жертву гибели...

И видя дѣтей, играющихъ на лугу среди цвѣтовъ, подобныхъ имъ, вздыхалъ и говорилъ въ сердцѣ своемъ:

— Жатву смерти видятъ очи мои...

И если нѣкто изъ мудрецовъ жизни, чуждыхъ душѣ познаваемаго темную мудрость смерти, поучалъ юношество въ храмѣ науки своей чуднымъ тайнамъ ея, онъ говорилъ усмѣхаясь:

— Ограниченность—имя мудрости твоей! Ибо погибнетъ земля и всѣ храмы ея, и науки ея, и правда и ложь ихъ, и не вѣдомъ тебѣ день и часъ гибели твоей...

Но однажды, на окраинѣ шумнаго города, въ темной, узкой улицѣ грязи и нищеты, въ смрадномъ туманѣ запаховъ гніенія, мудрецъ увидѣлъ тѣсную толпу работниковъ; одинъ изъ нихъ говорилъ имъ рѣчь, и удивился мудрецъ вниманію слушателей—никогда люди не слушали его проповѣдь съ такой жадностью. И острый уколъ зависти коснулся сердца мудреца.

— Товарищи! говорилъ ораторъ работникамъ:—Мы лежимъ въ грязи труда нашего подобно камнямъ на днѣ рѣки, а надъ нами быстро катятся волны жизни владыкъ нашихъ. Мы для нихъ какъ ступени и по нашимъ тѣламъ они поднимаются вверхъ, на высоту истины и оттуда обращаютъ силу разума своего противъ насъ, дабы поработить еще и души наши... Они все знаютъ,—мы—ничего, они—живутъ, мы—еще не жили, имъ вѣдома вся мудрость, намъ—только сказки; все свѣтлое въ ихъ рукахъ, въ нашихъ—ничего и даже хлѣба мало, чтобы сытыми жили мы. Поработили они насъ и пресытились, и вотъ уже скоро голодъ нашъ побѣдитъ пресыщенныхъ, ибо безсиленъ духъ ихъ, тогда какъ мы жизнью духа живы и сильны. Мы хотимъ жить, мы хотимъ знать, мы хотимъ быть людьми. Мы хотимъ насытить алчущій духъ нашъ всею мудростью земли, созданной на твердыхъ терпѣніяхъ нашего, мы хотимъ всего, что уже есть, мы хотимъ создать то, чего нѣтъ еще!

— Человѣкъ!—сказалъ мудрецъ, снисходительно усмѣхаясь.—Заблужденіе—имя словъ твоихъ. Органиченно познаніе людей и не будутъ они знать болѣе, чѣмъ могутъ. И не всели равно тебѣ, какъ погибнешь ты, голодный или пресыщенный, подобно тѣмъ, противъ которыхъ ты направляешь столь слабое жало мудрости твоей? И не всели равно невѣждой ляжешь ты въ гробъ твой или одѣнешься въ холодный саванъ жалкихъ ученій владыкъ твоихъ? Подумай,—все на землѣ и сама земля будетъ ввергнуто въ черную пропасть забвенія, въ бездонную пучину смерти...

Работники молча смотрѣли въ очи его неподвижно, слушая мудрую рѣчь, и чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ сильнѣе одѣвались лица ихъ суровымъ холодомъ. Потомъ одинъ изъ нихъ сказалъ товарищу:

— Матвѣй! У меня рука болитъ—дай ты въ шею этой старой обезьянѣ...

Вотъ и все...

...Да, конечно, я согласенъ, онъ нѣсколько грубоватъ, этотъ рабочій народъ, но развѣ онъ виновенъ въ этомъ? Вѣдь его—никто не училъ хорошимъ манерамъ.

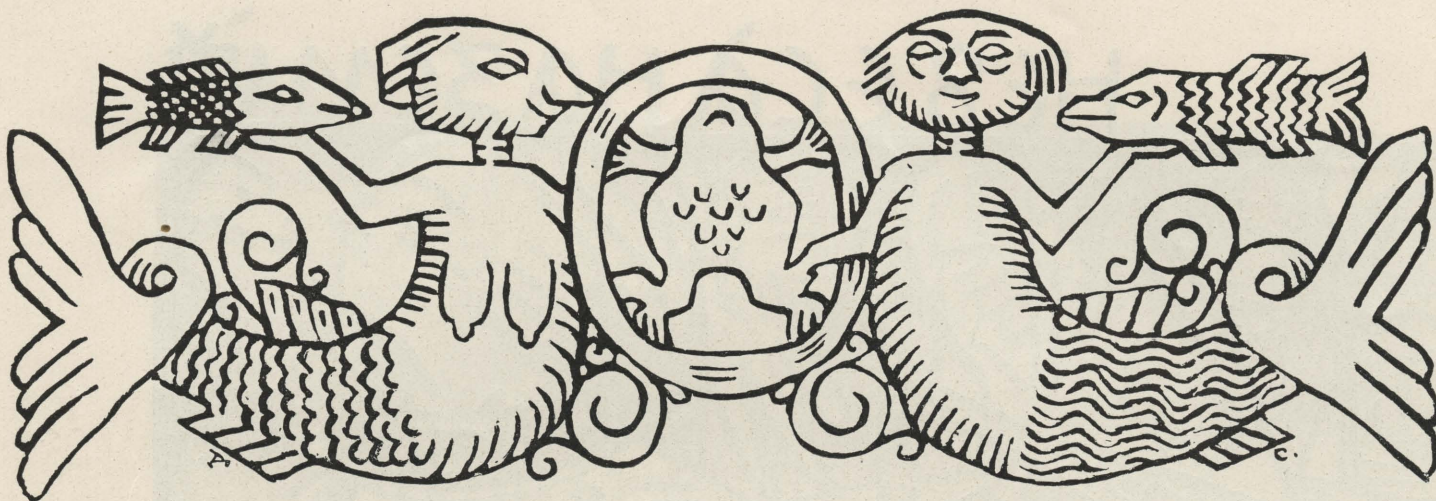
М. Горькій.

НЕ ВЕСА НА ЗЕМЛЪ.

СИВИЛЛА.

Въ этой призрачной Пальмирь,
 Въ этомъ маревъ полярномъ,
 О, пребудь съ поэтомъ въ миръ,
 Ты, надъ взморьемъ синезарнымъ
 Мнѣ являвшаяся дивной
 Ариадной, съ кубкомъ рванымъ,
 Съ флейтой буйно-заунывной
 Иль съ узывчивымъ тимпаномъ,—
 Тамъ, гдѣ въ гроздьяхъ, тамъ, гдѣ въ гимнахъ
 Ргѣютъ Вакховы экстазы...
 Въ тусклый часъ, какъ въ тучахъ дымныхъ
 Тлѣютъ мутныя топазы,
 Закружись стихійной пляской
 Съ предзакатнымъ листопадомъ
 И подъ сумеречной маской
 Пой, подобная Мэнадамъ!
 Въ желто-сѣрой рысвей ткурѣ,
 Увѣнчавшись хвоей елвной,
 Вихревиной взвейся бурей,
 Взвейся вьюгой огнемельной!..
 Ты стоишь, на грудъ склоняя
 Ликъ духовный, ликъ страдальный,
 Обрывая и роняя
 Въ тѣнь и мглу рукой печальной

Лепестки прощальной розы,—
 И въ туманныя волокна,
 Какъ сквозъ ангельскія слезы,
 Просквозили розой окна—
 И потухли... Все смѣсилось,
 Погасилось въ волнахъ сизыхъ...
 Вотъ—и ты преобразилась
 Медленно... Въ убогихъ ризахъ
 Мнишься ты въ ночи Сивиллой...
 Что, сѣдая, ты бормочешь?
 Ты грозишь ли мнѣ могилой?
 Или міру смерти пророчишь?
 Приложила перстъ молчанья
 Ты къ устамъ,—и я, сквозъ шопотъ,
 Слышу мѣднаго скаканья
 Заглушенный тяжкій топотъ...
 Замирая, кликомъ блѣднымъ
 Кличу я: «Мнѣ страшно, дѣва,
 Въ этомъ морокъ побѣдномъ
 Мѣдно-скачущаго Гнѣва»...
 А Сивилла: «Чу, какъ тупо
 Ударяетъ мѣдъ о плиты...
 То о трупы, трупы, трупы
 Спотыкаются коньята»...

Вячеславъ Ивановъ.

МУДРЫМЪ.

Изъ книги «Востокъ».

Герой—какъ вихрь, срывающій палатки.
 Герой врагу безумный далъ отпоръ,
 Но самъ погибъ—сгорѣлъ въ неравной схваткѣ,
 Какъ искрометный метеоръ.

А трусъ—живетъ. Онъ тоже местъ лелѣетъ,
 Онъ тоже точитъ гротикъ, но тайкомъ.
 О, да, онъ мудръ! Но сердце въ немъ чутъ млѣетъ:
 Какъ огонекъ подъ кизякомъ.

Ив. Бунинъ.

СВИНЬИ.

(Сонетъ изъ Э. Верхарна).

Стага большихъ свиней — и самки и самцы —
Угрюмымъ хрюканьемъ переполняли поле,
Толпились на дворѣ и бѣгали на волѣ,
Тряся молочные, отвислые сосцы.

И близъ помойныхъ ямъ, лучами озаренныхъ,
Въ навозной жижицѣ барахтались, толпясь,
Мочились, хвостъ задравъ, уставивъ ноги въ грязь, —
И лоснился узоръ щетинъ ихъ очервленныхъ!

Но подходилъ ноябрь. Ихъ убивали. Ахъ,
Какой былъ славный жиръ въ ихъ грязныхъ
животахъ!

Изъ ихъ большихъ заговъ само сочилось сало.

И шкуру ихъ скребли, потомъ палили ихъ,
И пламя ихъ костровъ, посмертныхъ, гробовыхъ
Всему селенію веселбе возвѣщало!

Валерій Брюсовъ.

Фрица изъ-за границы.

Сказочка.

Одни родители, папа съ мамой, долго сердились
на своихъ мальчиковъ, Кешку да Пешку, — своеволь-
ные были Кешка да Пешка. И чего только съ ними
папа и мама ни дѣлали, и по-хорошему-то ихъ уни-
мали, и по-родителъски, а имъ все неймется.
Шалятъ, самочинствуютъ, да и на-поги.

Вотъ одинъ умный дядя и посовѣтовалъ папѣ
и мамѣ:

— Что, — говоритъ, — вы на нихъ смотрите, на
такихъ балбесовъ? Да вы ихъ сгоните со двора, а
вмѣсто нихъ выпишите изъ-за границы парочку
нѣмчиковъ; тамъ, — говоритъ, — ребята очень хоро-
шіе, и всѣмъ комплиментамъ крѣпко научены.

Папа съ мамой обрадовались, такъ и сдѣлали:
Пешку да Кешку выгнали вонъ, а на ихъ мѣсто
выписали нѣмчика: на пару нѣмчиковъ денегъ жалъ
было, да и думали, что одинъ хорошій мальчикъ
лучше, чѣмъ два плохихъ.

Пешка да Кешка долго плакали, прощенія про-
сили, обѣщались не шалить, домой очень умильно
просились, да ужъ не простили ихъ папа съ мамой:

— Нелзя, — говорятъ, — всѣ сроки вышли, и
нѣмчику билеты желѣзнодорожные выправлены,
такъ не пропадать же деньгамъ. Идите, — гово-
рятъ, — съ Богомъ, по-добру, по-здорову.

Поняли еще Кешка да Пешка, Богу помолились,
кресту поклонились, да и пошли, горемычные, куда
глаза глядятъ.

А на мѣсто ихъ прѣхалъ въ скорости изъ-за
границы мальчикъ Фрица, чистенькій, вѣжливенькій,
субтильный. Папѣ и мамѣ книксенъ сдѣлалъ, ручки
лизнулъ, и тоненькимъ голоскомъ гутъ-моргенъ
проговорилъ, — все какъ слѣдуетъ по заграничному
правилу.

Только скоро у папы и у мамы пошли съ маль-
чикомъ Фрицей нелады, потому что Фрицъ больш-
шая чистота требовалась, а у папы съ мамой къ

чистотѣ душа не лежала, и отъ большой чистоты
имъ тошно становилось.

Придетъ бывало Фрица, и заговоритъ учтиво:

— Глубокоуважаемые родители, дорогой и ду-
шевнопочитаемый папочка, милая и сердечно любимая
мамочка, позвольте мнѣ чистую рубашечку, ибо та,
которую я ношу въ продолженіе двухъ недѣль, не-
смотря на все мое стараніе не пачкалъ моей оде-
жды, все-таки утратила свою первоначальную чи-
стоту и нуждается въ стиркѣ.

А папа съ мамой говорятъ:

— Хорошъ и въ этой рубашкѣ, погожди до
бани.

Такъ и во всемъ. Попроситъ Фрица чистой та-
релки, ему папа съ мамой говорятъ:

— Жри на грязной.

Попроситъ Фрица купить ему частный гребе-
шокъ расчесывать головку, ему говорятъ:

— Своей пятерни мало, такъ чешись деся-
терней.

Попроситъ помыться раньше баннаго срока, папа
съ мамой скажутъ:

— Въ грязи теплѣе.

Сталъ Фрица по ночамъ плакать, началъ Фрица
хулиганить, началъ Фрица отъ грязи паршивѣть, при-
шла къ Фрицѣ русская холера, скрутила Фрицу
въ одночасье.

Схоронили папа съ мамой Фрицу, говорятъ:

— Видно, нечего дѣлать, возмемъ Пешку да
Кешку опять.

Да ужъ поздно было. Кешка да Пешка посту-
пили въ хулиганы, проткнули перочиннымъ ножи-
комъ брюки у самаго старшаго городского, и за это
ихъ сослали въ самую далекую каторгу.

Не въ добрый часъ пришелся Фрица изъ-за гра-
ницы. Да не добромъ помянули папа съ мамой и
умнаго дядю.

Федоръ Сологубъ.

Цѣна 15 коп

Е. Е. Лансере.

Радость на земль основныхъ законовъ ради.

ВЪ ПРОВИНЦІИ Ц. № 20 К

1906

№2

АДСКАЯ ПОЧТА

ЦѢНА

15К

Д. Н. Кардовскій.

...«Нижній чинъ долженъ ходитъ съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства, какъ имѣющій счастье состоятъ на царской службѣ, какъ носитель доблестнаго мундира, который запятнать и замарать грѣшно: шапка набекрень, молодцомъ, красавцемъ, щеголемъ, женихомъ, картинкой, дабы встрѣченныя военныя любовались, а обыватели проникались почтеніемъ и уваженіемъ».

Изъ приказа по 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи.

СТѢНЫ КАИНОВЫ.

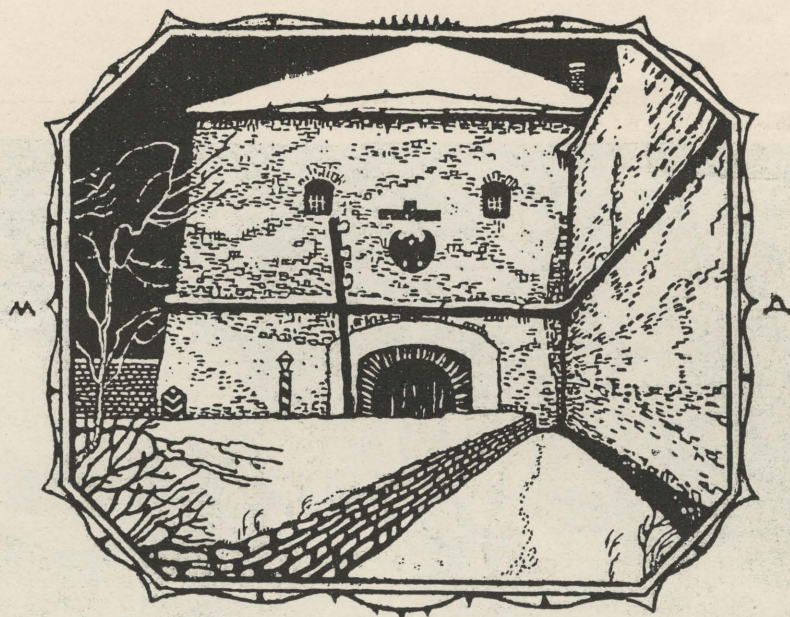
И рече ему Господь Богъ: не тако:
всякъ убивый Каина, седмижды от-
мстится. И положи Господь Богъ
знаменіе на Каинѣ, еже не убить его
всякому обрѣтающему его.

Васъ Каинъ основалъ, общественныя стѣны,
Гдѣ «не убій» блюдетъ убійца—судія!
Кровь Авеля размоетъ ваши плѣны,
О братствѣ къ небу вопія.

Со Смертію въ союзъ вступила ваша Власть,
Чтобъ стать безсмертною. Глядите жъ, люди—братья!
Вотъ на ея челѣ печать ея проклятья:
«Кто всталъ на Каина—убійцу, долженъ пасть».

Вячеславъ Ивановъ.

»крѣпость«

Подъ воротами двуглазой облупленной башни съ золотымъ кованнымъ ключемъ на стальномъ шпидѣ толкалась кучка сухопарыхъ бабъ съ поджатыми злющими губами.

Забрались бабы въ крѣпость спозаранку, выстояли обѣдно въ крѣпостной церкви, истово приложились къ иконамъ и отпра- вились ходить по тюрьмамъ, будто по пещерамъ Лавры съ угодниками и мощами. Разъ десять побывали онѣ и въ камен- ной старой тюрьмѣ и въ новой кирпичной, разъ десять за- глянули въ каждую камеру, все перетрогали, про все раз- спросили. Пора бы бабамъ домой уходить, обѣдать пора, а бабы не уходили, наступали на жандарма,—давеча жандармъ водилъ ихъ по тюрьмамъ, терпѣливо показывалъ всякую ме- лочь.

— И не пойдемъ—хорохорилась самая старая, — ты намъ главнаго не показалъ.

— Ей Богу, все показалъ!—божился жандармъ.

— Все, да не все, а еще божится! ты темную показалъ? висѣлицу показалъ? мельницу ты показалъ — а?

— Какую еще мельницу!

— Такую, нечего дурака-то валять, извѣстно, мельница,— людей молоди.

Жандармъ обидѣлся:

— Грѣхъ тебѣ, тетка, болтать зря.

— Грѣхъ въ орѣхъ, а зерно въ ротъ, не тебѣ меня учить, толстомордый.

— Ну, проваливай, проваливай!—вступился часовой.

— Какъ бы не такъ, ты напередъ покажи, а потомъ и лайся, клыкъ.

Жандармъ на минуту вспыхнулъ, потомъ вдругъ оше- рился.

— Покажи да покажи,—сказалъ онъ, постукивая сапогъ о сапогъ,—да что я тебѣ въ самомъ дѣлѣ покажу, хрѣнъ, что ли, съ масломъ?

— Тьфу, окаанный!—заплевались бабы.

— Хе, хе, хе,—подхватили другіе жандармы, околачива- лись жандармы безъ дѣла у часовой будки, было воскресенье.

Ничего не сказали бабы, поплевали молча на жандарма, попле- вали трижды таинственно, какъ на что то нечистое, отъ чего отплеваться надо, чтобы не пристало ни къ слѣду, ни къ глазу и молча, еще злѣе пожимая сухія губы, пошли себѣ къ берегу.

Темныя, закутанныя въ теплыхъ платкахъ, хороня въ узелкахъ взятое на счастье покинутое тюремное добро,—су- шенные двѣточки, обрывки исписанной бумаги, камешки,— уносили онѣ на волю каплю глазъ, каплю мысли, каплю сердца и каплю души заключенныхъ когда то въ этой прокля- той крѣпости.

Сгорбленный мужиченка, вынырнувшій откуда то изъ подъ снѣга, принялъ бабъ въ лодку.

Закачалась лодка, покатила.

— Окаанный—окаанный!—ударялъ вѣтеръ подъ воротами двуглазой облупленной башни съ золотымъ кованнымъ клю- чемъ на стальномъ шпидѣ.

Бѣжали бабы по черной полыньѣ на ту сторону, грозили костлявыми пальцами, засыпались снѣгомъ.

Не показавъ имъ жандармъ главнаго. Про что онѣ теперь расскажутъ на другой сторонѣ?

Видѣли онѣ ванну, видѣли электрическія лампочки, мастер- скую, человѣческій скелетъ, но главнаго...

— Окаанный—окаанный,—лизали волны крѣпостной валъ, выли, взъерошенные вѣтромъ и вольными веслами:

По черному бѣлая увѣренно плыла—уплывала лодка.

— Охъ, ужъ эти бабы, пристануть, какъ банный листъ, ни по чемъ не отвяжешься—ворчалъ жандармъ, поколачивая са- погъ о сапогъ.

Шель снѣгъ.

Бѣлый бѣлыми пушинками порошилъ дорожку вокругъ крѣ- пости, порошилъ золотой кованный ключъ, надворотный дву- главый орелъ, темныя окна—глаза.

И похрустывалъ.

Межъ двухъ отдаленныхъ глухихъ башенъ, обращенныхъ къ озеру, отъ Королевской до Часовой и отъ Часовой до Королевской шагаль, какъ на часахъ, запорошенный человѣкъ.

И похрустывалъ.

Съ утра весь день онъ ходилъ по тюрьмамъ въ хвостѣ бабъ и, какъ бабы, все трогалъ и спрашивалъ и, какъ бабы, заглядывалъ въ каждую пустую камеру.

А теперь тутъ одинъ подъ стѣной, не одинъ—надъ нимъ бѣлое небо и вѣтеръ и снѣгъ.

У ВИСЬЛИЦЫ.

Небо въ четырехугольникъ высокихъ, теперь черныхъ стѣнъ было безъ звѣздъ, хмурое, злое, посылало острый вѣтеръ. Думалось: когда займется разсвѣтъ—не станетъ радости, будутъ метаться сѣрыя осеннія облака, заболитъ голова, загрохочутъ телѣги, какъ нестройный раздражающій крикъ. И какъ-то выходило, что теперь въ эту придавленную осеннюю ночь можно мучить людей и можно ихъ вѣшать.

По двору всѣ старались идти тихо, крадучись. Никто не сговаривался, но каждый зналъ, что вверху изъ-за желѣзныхъ холодныхъ рѣшотокъ, слушаютъ и глядятъ измученные, не засыпавшіе всю ночь люди. Увидѣть они ничего не могли, но всѣмъ было тяжело въ плечахъ и спинѣ отъ этого напряженного, рѣжущаго темноту злого взгляда.

Вѣшать надо было за вторымъ дворомъ у глухой стѣны, какъ обычно. Вечеромъ оттуда доносился негромкій, часто прерывавшійся стукъ. Теперь все было тихо; звуки топора завязли въ узкихъ камерахъ, припали къ унылымъ камнямъ, вибрили въ память людей. Когда-нибудь оживутъ.

Осужденный дрожалъ; казалось, ему очень холодно; лица не было видно, да на него и не глядѣли; слышно было какъ часто зѣваетъ. Онъ плохо владѣлъ лѣвой ногой, она волочилась, не твердо ступая, это задерживало; всѣ злились на него: хотѣлось скорѣе все кончить уйти, уйти...

Прокуроръ подумалъ, что хорошо бы его поддержать, и тотчасъ докторъ, странно угадавъ его мысль,

подошелъ и тронулъ осужденнаго за руку. Должно быть тому почудилось нѣчто страшное, потому что онъ вдругъ закричалъ слѣпымъ дикимъ голосомъ, который вызываетъ бессмысленный ужасъ. И сейчасъ же въ отвѣтъ сверху изъ всѣхъ темныхъ оконъ слышались отчаянные, рѣжущіе темноту крики женщинъ и внезапно обрушивающіяся проклятія мужчинъ. Показалось, что неистовымъ краснымъ крикомъ закричали сами стѣны. Докторъ въ ужасѣ отдернулъ руку, а тюремщикъ, не помня себя отъ злости, ударилъ осужденнаго по темени, чтобы тотъ замолчалъ.

Но ужъ этого вспыхнувшего крика изъ невидимыхъ оконъ нельзя было остановить. Пересиливая общій гулъ, кто-то плакалъ, словно притворялся, и бѣшено проклиналъ; страшныя слова мести сыпались сверху, рвали, комкали темноту. Прокуроръ сжался, втянулъ голову въ плечи, жандармскій офицеръ кривилъ губы и все обдергивался. Уже не заботились о томъ, чтобы ходить тихо, всѣ торопились пробѣжать дворъ и почему-то больше всѣхъ торопились осужденный. Одинъ разъ онъ поднялъ голову, видимо, хотѣлъ что-то сказать, но, словно боясь опоздать куда-то, побѣжалъ дальше, припадая на лѣвую ногу. Страшная ночь, молчавшая десятки, десятки лѣтъ—такъ думалось—открыла свою пасть и завывала. Прокуроръ—еще молодой человѣкъ вдругъ понялъ, что никогда, нигдѣ не будетъ въ состояніи забыть ужаснаго, торопливаго бѣгства по черному тюремному двору среди колющихъ криковъ, сыпавшихся съ неба. Что-то гнусное, страшно

омерзительное коснулось его; съ этой ночи онъ сразу перемѣнился, словно покатылся куда-то въ яму. На землѣ ему ужъ никто не былъ страшенъ или дорогъ.

Палача спеціалиста не нашлося, и вѣшать пришлось бывшему уголовному, истопнику бань. Онъ косилъ глазомъ и болѣлъ нехорошей болѣзнью; его напоили, и теперь отъ него несло рѣзкимъ удушливымъ запахомъ спирта. Исполнивши уваженія къ прокурору онъ, приближаясь, что-то шепталъ ему съ угрюмой подострастностью. Отвратительный запахъ спирта дѣлался явственнѣе, глушилъ крики заключенныхъ со второго двора.

Зажгли переносный фонарь, обрисовался рядъ кирпичей, сбившаяся на сторону ряса священника, нѣсколько блестящихъ пуговицъ. Докторъ отошелъ, закурилъ папироску; желто-красный огонекъ висѣлъ въ холодномъ воздухѣ.

Потомъ косоглазый истопникъ, поднимаясь на дыпочки, натянулъ на осужденнаго бѣлый мѣшокъ, похожій на саванъ. И хотя онъ вѣшалъ человѣка въ первый разъ, но сдѣлалъ это достаточно ловко.

И вотъ среди группы ночныхъ людей появился неуклюжій безобразный мѣшокъ, и въ немъ что-то шевелилось.

Красноватый огонекъ папиросы опустился ниже, потускнѣлъ. Налетѣлъ вѣтеръ и тронулъ волосы на головѣ истопника. Въ камерахъ, какъ будто тамъ почували, сразу смолкли крики и стало тихо.

Стало тихо, похоже на долгій кошмаръ. Надъ бѣлымъ живымъ мѣшкомъ спустилась веревка, прикрепленная къ деревянной перекладинѣ въ стѣнѣ. Пьяный истопникъ принялся заправлять петлю, согнулъ и вытягивался. Тюремщикъ, поставивъ фонарь на землю, сталъ помогать ему. Теперь были видны только ноги — жалкія человѣческія немолодые ноги, мокрые камни и кусокъ безобразнаго бѣлаго мѣшка.

И вдругъ этотъ кусокъ сталъ подниматься отъ земли, исчезъ изъ свѣта и на его мѣсто появились еще нѣсколько мокрыхъ камней. Вотъ и все.

Прокуроръ закрылъ глаза.

Что-то треснуло, и бѣлый мѣшокъ со всего размаху съ хрустомъ шлепнулся внизъ: порвалась веревка.

Дальній огонекъ папироски сталъ описывать небольшія изломанныя линіи. Тюремщикъ быстро опу-

стился на корточки и, поднявъ надъ головой фонарь, смотрѣлъ, выжидая.

На землѣ, потерявъ форму, лежала бѣлая гряда, и въ складкахъ холста прятались тѣни, какъ клочья ночи. Мелькнула пронзительная мысль:

— А если тѣни зашевелиятся...

— А! Тѣни зашевелились — хотѣлось кричать — тѣни зашевелились — и обозначалось какъ двѣ руки изнутри слятся сбросить мѣшокъ.

Заговорилъ тяжелый чужой бѣлый голосъ, совершенно не похожій на голосъ осужденнаго, потому что веревка повредила ему горло.

— Слава Богу, теперь все кончено. Развяжите.

Бѣлая гряда начала барахтаться, угадывалось, что ея усилія осмысленны — она поднялась, повернулась. Голова изнутри натянула холстъ, и обозначился огромный выпуклый страшно умный черепъ.

— Что же вы стоите? Мнѣ самому трудно. Прокуроръ! Я буду жаловаться господину прокурору.

Онъ хотѣлъ сердиться, настаивать, но плоскій неподвижный голосъ потерялъ выразительность, и слова звучали ровно, однотонно, пусто.

Люди, которымъ было поручено убить, стояли безъ движенія съ расширенными немигающими глазами, и огромный страшный черепъ безъ лица судилъ ихъ.

— Я буду жаловаться правительствующему сенату, министру юстиціи и въ иностранныя газеты — ровнымъ перерѣзаннымъ голосомъ, какимъ кричатъ во снѣ, продолжалъ черепъ. Я больше не желаю, чтобы меня вѣшали. Кромѣ того, я сейчасъ растянулъ себѣ связки въ ступнѣ. Могу остаться хромымъ на всю жизнь.

Бѣлый мѣшокъ, бѣлый саванъ сошелъ съ ума. Это было ясно. Истопникъ закинулъ голову, совершенно безмысленно и откровенно икалъ. Красный огонекъ пропалъ. Прокуроръ не въ силахъ былъ вынести невидимаго взгляда черепа и со стономъ отвернулся. Тихо звякнули дары въ рукѣ у священника.

Сумашедшій безъ лица продолжалъ своимъ страшнымъ и плоскимъ голосомъ:

— Вамъ было сказано меня повѣсить, вы это исполнили, а что я живъ — это мое дѣло. Два раза вы не имѣете права вѣшать.

Но тутъ къ сумашедшему подкрался тюремщикъ, свалилъ его, и сѣдая злая борода была около холста. Онъ схватилъ конецъ веревки и принялся тянуть къ себѣ.

— По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ подумать — что вы дѣлаете? — сказалъ мѣшокъ, и даже этотъ мертвенно ровный голосъ выразилъ необычайную муку: единственный случай въ Европѣ... въ музеи...

Истопникъ, получивъ отъ тюремщика ударъ ногой, очнулся и принялся помогать. Черезъ двѣ минуты они задушили его тутъ же на землѣ на мокрыхъ камняхъ, не вздергивая.

Когда поднялись, оба тяжело дышали, были потны, углы рта опустились.

У прокурора тоже прилипал воротникъ къ вспо-

тѣвшей шеѣ. При остромъ вѣтрѣ чуть-чуть занимался разсвѣтъ. Думалось, что скоро по небу будутъ метаться осеннія облака, загрохочутъ телѣги.

Осипъ Дымовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иловайскій. „Исторія русско-русской войны“ Спб. 1906 г. 365 + VI стр. съ 20 портретами. Рекомендовано мин. внутр. дѣлъ „для школъ и прогимназій“. Ц. 1 р. 50 к.

Имя почтеннаго историка достаточно хорошо извѣстно публикѣ. Новый трудъ г. Иловайскаго, знакомя подростокующее поколѣніе съ великой русско-русской войной, вноситъ цѣнный вкладъ въ скудную литературу по отечественной исторіи. Рядомъ живо воспроизведенныхъ эпизодовъ составитель знакомитъ юношество съ героической эпохой новѣйшаго времени. Въ предисловіи г. Иловайскій разъясняетъ нѣсколько странное наименованіе, данное этой войнѣ; по его словамъ «русско-русская война началась вслѣдъ за русско-японской. 17 октября 1905 года былъ разрывъ дипломатическихъ сношеній, а 18 начались военныя дѣйствія» (стр. III).

Нельзя однако не отмѣтить нѣкоторыхъ странностей и неясностей, допускаемыхъ въ изложеніи; такъ, напримѣръ, на стр. 31 читаемъ: «При обстрѣливании нами русскаго флота былъ взятъ въ плѣнъ ихъ главнокомандующій, а также нѣсколько матросовъ» здѣсь неясно кого кто взялъ въ плѣнъ и для чего? Кто это «мы» и кто «руссіе»?

Точно также неясна и сбивчива фраза: «Взятіе Москвы обошлось намъ не дешево, но за то сильный уронъ былъ нанесенъ также и русскимъ» (стр. 48). О какомъ взятіи Москвы здѣсь говорится? Вѣдь рѣчь идетъ о 1905 годѣ, а не о 1812...

Или: «населеніе русскихъ деревень при приближеніи нашихъ войскъ тѣшечно просило пощады» (стр. 63 и 64).

Или еще:

«При набѣгахъ нашей боевой организаціи (?) на вражескую періодическую печать (?) удалось захватить въ плѣнъ множество редакторовъ, а также художниковъ» (стр. 52).

О какой боевой организаціи сообщаетъ авторъ — трудно понять. Какъ извѣстно, дѣла по преданію редакторовъ суду возбуждались Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати *) и разсматривались соотвѣтствующими

*) Впрочемъ, упраздненнымъ 17 октября 1905 г.

судебными вѣдомствами. Выраженіе «удалось захватить въ плѣнъ» вмѣсто «посажены въ тюрьмы по приговору судей» врядъ ли педагогично.

Вообще для автора истинное значеніе понятій «мы» и «руссіе» такъ до конца и остается невыясненнымъ; иногда для разъясненія онъ вводитъ слово «врагъ», но и это не помогаетъ дѣлу. Такъ на стр. 59 находимъ: «С. Ю. Витте, намѣреваясь заключить договоръ съ врагомъ и т. д.». Съ какимъ врагомъ: съ «нами», или съ «русскими»? Или рѣчь о Портсмутскомъ договорѣ?

По отношенію къ членамъ Государственной Думы также попадаются очень странныя фразы; одни и тѣ же лица то называются «измѣнниками», то «лучшими людьми страны», то кратко «арестованные» (стр. 102, 132, 145 и 282). Это вноситъ не малую путаницу въ изложеніе.

Часто составитель не выясняетъ точно мѣста дѣйствія. Такъ, на (стр. 163 строка 5-я сверху) говорится: «Профессоръ Гредескулъ, заключенный въ тюрьму и проч.». и тутъ же (строка 18-я): «Профессоръ Гредескулъ по вопросу объ амнистіи высказался...» Спрашивается, гдѣ же собственно онъ высказывался объ амнистіи: въ тюрьмѣ или въ Думѣ? Эти два понятія своеобразно путаются. Въ концѣ книги г. Иловайскій избѣгаетъ оба наименованія и выражается такъ: «Учрежденіе на Шпалерной». Но такъ какъ на Шпалерной улицѣ находится и Государственная Дума и Домъ предварительнаго заключенія, терминъ этотъ врядъ ли можно считать точнымъ. Встрѣчаются также нѣкоторыя нежелательныя опечатки; такъ на стр. 132 «революція министра Дурново» вм. «резолуція» и даже (134 стр.) «Витте, всѣми силами отстаивая анархію»; очевидно, вмѣсто «монархію» и др.

Въ общемъ однако юношество здѣсь многому можетъ научиться. Языкъ простой и эпически спокойный. Портреты дѣятелей исполнены изящно (Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ). Укажемъ однако, что одинаковая подпись «герои русско-русской войны», помѣщенная, напр. подъ Хрустальевымъ и Ренкамфомъ, недостаточно вразумительна.

Цѣна книги невелика, и рекомендація министерства внутреннихъ дѣлъ вполне умѣстна. О. Дымовъ.

Заставки и концовки въ текстѣ 2-го № работы: И. Билибина и М. Добужинскаго на 2-ой стр.—гравюра Ходовецкаго (1726—1801).

Редакторъ П. Н. Троянскій.

Издатель Е. Е. Лансере.

ХУДОЖНИКИ: Б. И. Анисфельдъ, Л. С. Бакстъ, Алекс. Бенуа, И. Я. Билибинъ, И. И. Бродскій, Аксель Галленъ (Финляндія), П. Галоненъ (Финлянд.), А. Ф. Гаушъ, И. Э. Грабаръ, З. И. Гржебинъ, М. Д. Ерро Ернефельдъ (Финлянд.), А. Зальцманъ, С. В. Ивановъ, Д. Н. Кардовскій, Е. С. Кругликова, Б. М. Кустодіевъ, Е. Е. Лансере, М. П. Латри, В. Н. Левитскій, А. Любимовъ, Е. К. Маковская, В. Д. Миліоти, Н. Д. Миліоти, А. П. Остроумова, Л. О. Пастернакъ, И. Плехановъ, Т. Риссаненъ (Финлянд.), Ю. И. Рѣпинъ, Саариненъ (Финлянд.), К. А. Сомовъ, Д. С. Стеллецкій, В. А. Сѣровъ, П. Н. Троянскій, В. Я. Чемберсъ, М. Ч., П. Е. Щербовъ, К. Ф. Юонъ.

ПИСАТЕЛИ: Allegro, А. Амфитеатровъ, Л. Андреевъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Блокъ, В. Брюсовъ, А. Бѣлый, И. Бунинъ, Галичъ, М. Горькій, С. Гусевъ-Оренбургскій, О. Дымовъ, В. Жаботинскій, Б. Зайцевъ, Л. Зиновьева-Аннибалъ, Вяч. Ивановъ, В. В. Каррикъ, Н. Крандѣвская, А. И. Купринъ, А. Б. Петрищевъ, С. Л. Поляковъ, Пѣкъ, А. М. Ремизовъ, Силэнъ, Скиталецъ, Ф. Сологубъ, Тэффи, Д. В. Философовъ, Е. Н. Чирковъ, К. Чуковский, Г. Чулковъ, К. Эрбергъ и А. А. Яблоновскій.

ВЫПУСКАЮТЪ ЖУРНАЛЪ

Въ журналѣ примутъ участіе художники изъ журнала «Simplicissimus»—Т. Т. Гейне, Бруно Пауль, Р. Вильке, О. Гульбрансонъ. Изданіе будетъ выходить еженедѣльно размѣромъ отъ 12 до 16 стран. Въ каждомъ номерѣ 4—6 рисунковъ въ нѣсколько красокъ и 5—10 рисунковъ въ текстѣ. Журналъ будетъ печататься у Р. Голике и А. Вильборгъ въ двухъ изданіяхъ: обыкновенномъ на лучшей глазированной бумагѣ и роскошномъ (для подписчиковъ) на веленовой бумагѣ.

Подписная цѣна: 8 руб. въ годъ, 4 руб. на полгода и 2 р. на три мѣсяца. За границу: 12 р. Отдѣльные номера 15 к., въ провинціи—20 к. Подписка принимается: въ СПб. въ книжн. магаз. «Трудъ» (Невскій, 60) и во временной редакціи журнала «АДСКАЯ ПОЧТА».

Редакторъ П. Н. Троянскій.

Забалканскій просп., д. 20, кв. 17.

Издатель Е. Е. Лансере.

„ФАКЕЛЫ“

Каждая книга журнала выходитъ, какъ самостоятельный, вполне законченный сборникъ, подъ редакціей Г. И. Чулкова.

Въ изданіи сотрудничаютъ слѣдующіе поэты и художники:

Леонидъ Андреевъ, Allegro, К. Бальмонтъ, Л. Бакстъ, Ив. Билибинъ, А. Блокъ, В. Брюсовъ, Ив. Бунинъ, А. Бѣлый, М. Горькій, И. Грабаръ, З. Гржебинъ, М. Д., Осипъ Дымовъ, Бор. Зайцевъ, В. Замирайло, Л. Зиновьева-Аннибалъ, Вяч. Ивановъ, А. Купринъ, Е. Лансере, Мирз, С. Найденовъ, А. Остроумова, А. Ремизовъ, Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, К. Сомовъ, Ф. Сологубъ, В. Сѣровъ, К. Эрбергъ, Георгій Чулковъ и мн. др.

Полный списокъ сотрудниковъ будетъ опубликованъ въ ближайшей книгѣ «Факеловъ».

Въ первой книгѣ напечатанъ разсказъ Леонида Андреева «Такъ было».

Отъ Редакціи:

Мы полагаемъ смыслъ историческаго процесса въ исканіи человѣчествомъ послѣдней свободы. Мы привѣтствуемъ социалистическое движеніе, стремящееся разрушить старый экономическій порядокъ, но социализмъ не является для насъ единственной цѣлью и послѣдней формой общественности. Свободная мысль и свободное творчество поэтовъ и художниковъ, мудрецовъ и пророковъ—вотъ свѣтъ на пути человѣчества. Мы боремся за освобожденіе личности отъ цѣпей моральной, философской и религіозной догматики и не примиряемся съ поверхностнымъ міросозерцаніемъ, которое пытается ограничить сферу душевныхъ переживаній. Мы поднимаемъ нашъ факелъ во имя утвержденія личности и во имя свободнаго союза людей, основаннаго на любви къ будущему преобразованному міру. Въ этомъ смыслѣ мы анархисты. Полагая, что искусство само по себѣ является могучимъ орудіемъ для борьбы съ духомъ мещанства и ксности, мы будемъ стремиться къ тому, чтобы наши идейныя цѣли раскрывались не въ тенденціозности, а въ свободномъ независимомъ творчествѣ. На-ряду съ произведениями поэтовъ и художниковъ, мы имѣемъ въ виду давать статьи по вопросамъ философіи и общественности; въ этомъ отдѣлѣ въ ближайшихъ сборникахъ предполагаются къ напечатанію статьи Вяч. Иванова, Н. Лосскаго, К. Эрбергъ, Г. Чулкова, Льва Шестова и др.

Адресъ редакціи и конторы: СПб., Саперный, д. 10, кв. 55. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ «Наша Жизнь». Невскій, 19.

Цѣна каждой книги 1 рубль (на обыкновенной бумагѣ) и 1 р. 50 к. (на лучшей бумагѣ). Книгопродавцамъ скидка 25%.

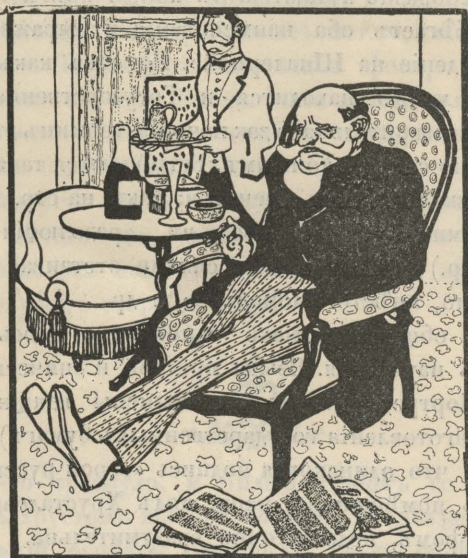

Рис. Бруно Пауль.

къ ЗАКОНУ О СТАЧКАХЪ.

— Бестыжая пролетарская сволочь! Посмотрѣлъ бы я на того, кто бы мнѣ помѣшалъ... еслибъ я захотѣлъ работать.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ШИПОВНИКЪ“

выпускаетъ 20-го Мая двѣ серіи ходожественныхъ открытыхъ писемъ на социально-политическія темы въ исполненіи художниковъ изъ «Simplicissimus'a»: Т. Т. Гейне; Бруно Пауль; Р. Вильке и другихъ.

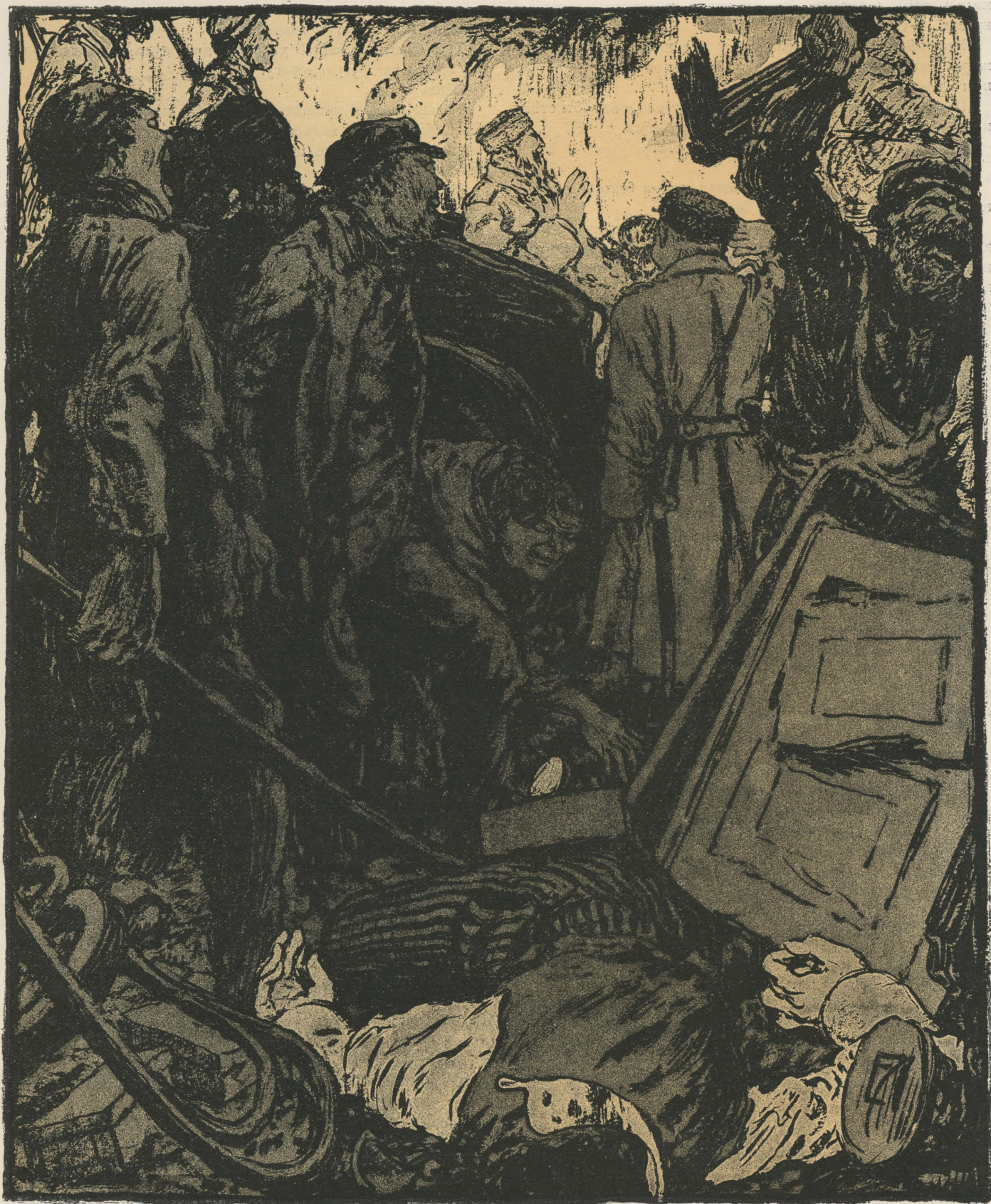
Готовится и въ скоромъ времени выйдетъ изъ печати третья серія, въ которой принимаютъ участіе художники „Адской Почты“: Б. Анисфельдъ; И. Билибинъ; З. Гржебинъ; М. Добужинскій; Е. Лансере; Д. Н. Кардовскій, Б. М. Кустодіевъ и друг.

Открытыя письма печатаются въ краскахъ и однотонныя на лучшей бумагѣ въ типографіи Р. Голике и А. Вильборгъ.

Контора и складъ издательства: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, д. 23, кв. 61.

Приемъ по дѣламъ издательства ежедневно отъ 3 до 5 час. дня.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. СПб., Звенигородская, 11.

— Рады стараться, Ваше Превосходительство!..

Волосы подымались отъ ужаса, и всѣ мысли до единой лопались, какъ соломенки, кололи мозгъ, и сердце наливалось кровью, готовое лопнуть.

Каждый мигъ охватывали душу все новые и новые пожары, сжигали все, чѣмъ жилъ человѣкъ: его утро, его вечеръ и его ночь.

Пушай вѣтеръ подкосить его и ударить головой объ стѣну и засыплетъ безслѣдно этимъ бѣлымъ снѣгомъ.

У него нѣтъ больше дома и нѣтъ крова.

И не надо ни дома, ни крова.

Тянулась отъ сердца бѣлоснѣжная дорога безъ конца, безъ надежная, и другой дороги не было.

Вотъ уйдетъ бѣлая студеной зима, повеселѣють луга и поля, зацвѣтетъ каждый холмикъ, каждый бугорокъ, и подымется надъ землею огромное солнце, согрѣетъ теплыми лучами, вспрыснетъ дождемъ мертвое и заснувшее.

Мертвое и заснувшее пробудится живымъ подъ солнцемъ.

Не надо этого солнца и этихъ луговъ и этого поля,—каждый цвѣтокъ напоенъ кровью, каждая пядь не дождемъ смочена,—краснымъ дождемъ.

Зачѣмъ солнце, зачѣмъ цвѣты?

Кровь...

Голова кругомъ пошла.

Она подняла всю жизнь. И стелились дни, день за днемъ. Будто не годъ и не два и не двадцать лѣтъ, а вѣчность, какъ стала земля и живъ человѣкъ,—и эта крѣпость стояла, и скороненные въ ней подъ замкомъ люди жили, и не знали дня,—придетъ ли день?—когда раскроются двери.

Подъ замкомъ люди жили, ихъ запирали въ блестящія ящики, какъ въ гробъ, навсегда.

Но живому сердцу не вмѣстить этого страшнаго навсегда. Бунтовало сердце.

И били ихъ, вязали по рукамъ и ногамъ, и кричали и ругались и волокомъ волокли по винтовой желѣзной лѣстницѣ сверху внизъ и по асфальту на дворъ и дальше по двору до воротъ, гдѣ принималъ ихъ каменный застѣнокъ и поглощала сырая черная дыра навсегда.

Но живому сердцу не вмѣстить этого страшнаго навсегда. Бунтовало сердце.

И не разъ тѣ, кому приказано было караулъ держать, слѣдили и подслушивали ихъ послѣдній сонъ и видѣли предсмертнѣйшую часть, наряжали передъ казнью и видѣли, какъ минуту назадъ живой непреклонный и смѣлый висѣлъ подъ бѣлымъ саваномъ высоко надъ землею, и не разъ смотрѣли они въ закатившіеся отъ мукъ глаза, и сколачивали ящикъ-гробъ, рыли яму вонъ тамъ, закапывали вонъ тамъ...

Никогда никто не прочиталъ надъ ними молитвы.

Никогда никто не закрылъ имъ мертвые глаза.

Никогда никто не отдалъ имъ послѣдняго цѣлованія.

На минуту остановился человѣкъ, каменный вдругъ, какъ стѣна, и твердый, какъ башня. Посинѣло сердце отъ гнѣва и душа возмущалась.

Онъ поидетъ, онъ отмститъ за эти гроба, за эти висѣлицы, за хулу на жизнь,—жизнь смяли, связали по рукамъ и ногамъ, убивали медленно, подтачивали безпощадно одиночествомъ.

Онъ поидетъ, онъ отмститъ, онъ найдетъ тѣхъ, кто приказывалъ и повелѣвалъ мучить и истязать въ этой проклятой крѣпости.

За каждый часъ, за каждую минуту, за каждый кратчайшій мигъ страданій,—а они возрастали годъ за годомъ, не годъ и не два и не двадцать лѣтъ, а вѣчность, какъ стала земля и

живъ человѣкъ,—онъ изобрѣтетъ жесточайшія казни и отдастъ имъ тѣхъ, кто приказывалъ и повелѣвалъ мучить.

И не будетъ конца казнямъ.

Весь бѣлый въ снѣгѣ увѣренно повернулъ человѣкъ прочь отъ стѣны на другую дорогу.

Шелъ снѣгъ.

Бѣлый бѣлыми пушинками порошилъ дорожку, слѣды человѣка, обледенѣлый валъ и черную перекладку для рыбацкихъ снастей подъ чернымъ навѣсомъ—этотъ крестъ на безкrestной могилѣ.

Прошлогодня сухая трава и высокіе стебли замерзшихъ цвѣтовъ торчали изъ подъ снѣга, качались подъ вѣтромъ.

Трава и цвѣты на безкrestной могилѣ.

И тоска полыхала по снѣгу, по вѣтру, по травѣ, по цвѣтамъ. Передъ ней плыла вся земля.

Ты не жди утоленія, ты не найдешь его на этой землѣ.

Кровь за кровь, месть за месть, безъ конца.

И тоска полыхала по снѣгу, по вѣтру, по травѣ, по цвѣтамъ.

Безысходная подымалась она бѣлымъ пламенемъ въ снѣжномъ столбѣ и тамъ за облаками передъ лицомъ звѣздъ висѣлъ со смѣхомъ недосмѣяннымъ, плачемъ недоплаканнымъ—словами не высказанными тосковала...

Царь небесный, Утѣшитель,

Духъ истинный, пріиди!

Было тихо и жутко въ крѣпости по вечернему.

Отошла вечерня.

Смѣнились часовые у двуглазной облупленной башни, крѣпостныя ворота заперли.

Сумракъ, сгущаясь, куталъ пустынные зданія, и пропалъ тесовый крестъ на фундаментѣ заложенной церкви противъ оконъ кирпичной тюрьмы.

Жандармскія жены укладывали спать ребятишекъ. Ребятишки капризничали.

Звякали шпоры въ казармахъ, и подымалась по лѣстницѣ жандармская шашка, шла пугать ребятишекъ.

Но темъ овладѣла крѣпостью.

Старый вахмистръ, щетиня сѣдыхъ брови, прошелъ въ дежурную, громыхая ненужными теперь тюремными ключами.

Много нынче было посѣтителей, затормошили: всѣ хотѣть знать, разспрашиваютъ.

Старого ко сну клонило.

Въ бѣломъ комендатскомъ домѣ засвѣтились огни. Раскладывали зеленые столики. Ставили по двѣ свѣчи.

Старый хозяинъ приглашалъ гостей. Улыбалось его мягкое маслянное лицо, и маленькіе глазки черненькіе, какъ жгутики, прыгали отъ любезности.

Начиналась игра.

Узорныя стрѣлки старинныхъ часовъ на крѣпостной колокольнѣ безшумно шагъ за шагомъ подвигались къ ночи.

Вѣтеръ, застрѣвая въ рѣзѣбѣ, вырывался, толкалъ стрѣлки къ полночи и шипѣлъ отъ ярости.

Медлила полночь.

Въ угловой камерѣ каменной старой тюрьмы, темной и глухой, какъ погребъ, сновало что-то, ломалось въ невыносимой тоскѣ. Исполсованная стѣна не заглядывала въ окно, и смотрѣло окно проломленнымъ глазомъ.

Въ углу камеры висѣла иконка Воскресеніе Христово, какъ

висѣла много лѣтъ, когда въ первый разъ привели сюда въ этотъ застѣнокъ и захлопнули дверь навсегда.

Воскресеніе Христова наливало тьмой, и черное пятно плавало во тьмѣ и тоскѣ невыносимой.

И вдругъ странный ликъ, дробя тьму страннымъ свѣтомъ, взглянулъ изъ угла.

И поднялось со всѣхъ угловъ и со всѣхъ стѣнъ все за- таенное, все убитое и пропавшее, чему не было выхода, чего нельзя было выпустить,—поднялось и пошло къ этому свѣту странному.

Но свѣтъ мигалъ дьявольскимъ глазомъ и не принималъ этой тоски нестерпимой.

Думы, которыя замерли подъ черепомъ, желанія, сожжен- ные въ сердцахъ... онѣ припадали къ камню, къ непреклонной стѣнѣ, неуголенные, неуголимые до послѣдняго дня.

Дьяволъ воскресалъ среди тьмы и скорби и отчаянія, воскресалъ на вѣки, какъ царь, въ этомъ царствѣ муки и неуголенности.

Въ пустынныхъ зданіяхъ крѣпости мелькали огоньки.

Часовой на часахъ у двухглазной облупленной башни съ

золотымъ кованымъ ключемъ на стальномъ шпигѣ кутался въ тулупъ, творилъ молитву отъ навожденія.

А по крѣпостному двору отъ церкви до манежа проха- живался кто-то въ красномъ, какъ палачъ, подпоясанный ве- ревкой, и въ красной шапкѣ, какъ палачъ, покручивалъ плетью.

Визжала плеть, плакала.

Въ бѣломъ комендантскомъ домѣ нагари свѣчи.

Шла игра.

Старый хозяинъ увѣренно игралъ, обыгрывалъ гостей. Везло, какъ всегда. Вытягивая усатые губы и сопя, будто думая, увѣренно рѣзалъ комендантъ на право и на лѣво.

И вдругъ съ тревогой опускалъ руки въ карманъ и похо- лодѣвшими пальцами нащупывалъ теплую веревку, снятую съ шеи казненнаго.

Мягкое, маслянное лицо улыбалось, и маленькіе глазки, черненькіе, какъ жгутики, прыгали отъ любезности.

Ужъ пробилъ полночь. За рѣкой пѣтухи перекликались.

Спала крѣпость мертвецкимъ сномъ.

А въ тюрьмахъ ночь и тоска и неуголенность.

Алексѣй Ремизовъ.

НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

1-ый хоръ: А земля-то наша вся, наша вся!

Ой Дидъ-Ладо, наша вся, наша вся!

2-ой хоръ: А земли-то нѣту вамъ, нѣту вамъ!

Ой, Дидъ-Ладо, нѣту вамъ, нѣту вамъ!

1-ый хоръ: А мы землю выкупимъ, выкупимъ!

Ой, Дидъ-Ладо, выкупимъ, выкупимъ!

2-ой хоръ: А мы землю продали, продали!

Ой, Дидъ-Ладо, продали, продали!

Подпѣвало.

ГОРЕМЫКИНЪ.

Б. К.

«Но щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро выросли вновь, еще даже лучше прежнихъ».

Гоголь «Мертвые души». (Томъ I, стр. 69).

ВЪ ПРОВИНЦІИ Ц.№20К

DK262
.R9
Rare 4K.com

№

3

ОЛИМПЪ

ГРАФЪ ИГНАТЬЕВЪ

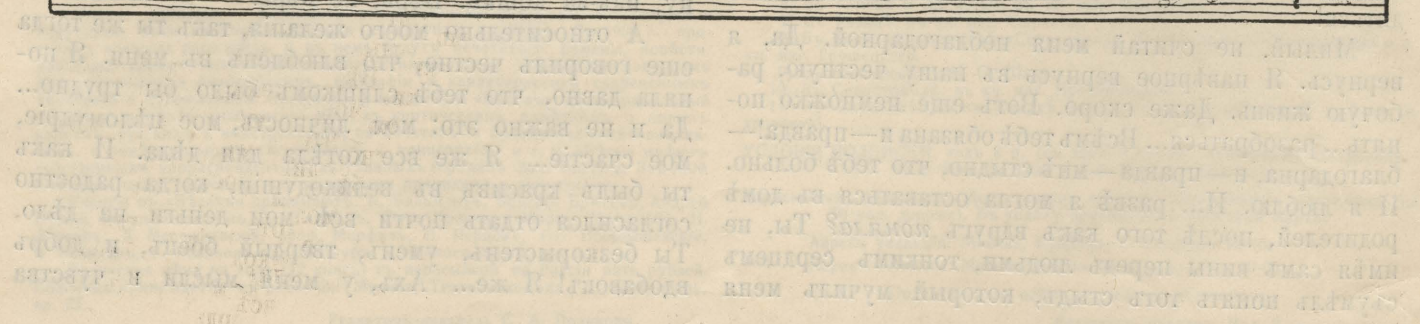
ДУРНОВО (ICU)

СТОЛЫПИНЪ

ДУБАСОВЪ

ПРАВИЛА И ИЗРЕЧЕНІЯ.

Если ты пойдешь въ Думу Государственную, помни, сидя тамъ, что ты сидишь въ креслѣ, которое стоитъ пятьдесятъ семь рублей, а потому—веди себя сообразно особенностямъ сѣдалища твоего.

Сколь туго ни застегивай штаны твои—все едино: начальство выпоретъ тебя, если пожелаетъ того.

Иегудилъ Хламида.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА О НЕБЛАГОПОЛУЧИИ МИРОЗДАНІЯ.

...Убѣжала... въ то время, какъ ты ѣздилъ честно исполнять свой долгъ, рискуя даже свободой, ты, который мнѣ далъ свободу и уваженіе лучшихъ людей, великодушно женившись на презираемой всѣми твоими (нашими теперь, благодаря тебѣ) товарищами—дочери народного врага.

И нечѣмъ мнѣ передъ тобой оправдаться. Ты, вообще, лучше меня. Это и научило меня такъ скоро привыкнуть къ тебѣ, сознавать себя счастливой, гордиться!

Милый, не считай меня неблагодарной. Да, я вернусь. Я навѣрное вернусь въ нашу честную, рабочую жизнь. Даже скоро. Вотъ еще немножко понять... разобраться... Всѣмъ тебѣ обязана и—правда!—благодарна, и—правда—мнѣ стыдно, что тебѣ больно. И я люблю. И... развѣ я могла оставаться въ домѣ родителей, послѣ того какъ вдругъ *поняла*? Ты, не имѣя самъ вины передъ людьми, тонкимъ сердцемъ съумѣлъ понять тотъ стыдъ, который мучилъ меня

передъ всякимъ, кто голодаетъ, и всякимъ, кто трудится; и передъ всякимъ такимъ мнѣ хотѣлось тогда упасть на колѣни, плакать, и въ несносномъ стыдѣ молить его о прощеньи... Даже мама моя бѣдная, сама съ такимъ разбитымъ сердцемъ, все же не понимала, что я *всегда должна все до конца*. И душила меня, любя. Ты спасъ.

Ты пишешь, что это я мщу за то, что ты не согласился на фиктивный бракъ. Нѣтъ. Нѣтъ. Я уѣхала... ну, изъ-за кошки. Вѣрь, не вѣрь!

А относительно моего желанія, такъ ты же тогда еще говорилъ честно, что влюбленъ въ меня. Я поняла давно, что тебѣ слишкомъ было бы трудно... Да и не важно это: моя личность, мое цѣломудріе, мое счастье... Я же все хотѣла для дѣла. И какъ ты былъ красивъ въ великодушіи, когда радостно согласился отдать почти всѣ мои деньги на дѣло. Ты безкорыстенъ, уменъ, твердый боецъ, и добръ вдобавокъ! Я же... Ахъ, у меня мысли и чувства

и безпорядокъ .. Но я приведу въ порядокъ и вернусь. Только вотъ что: я вотъ чего буду совсѣмъ кротко просить, потому что, чего же я посмѣю уже послѣ своего поступка требовать?—ты позволь мнѣ жить, какъ я не могу иначе. Ты, милый, столько смѣялся надъ моимъ «аскетизмомъ», ты говорилъ правильно: «не самоистязаніемъ строится человѣческое благополучіе». Ты настоящій, ты дѣятель! Только вотъ что я тебѣ расскажу: здѣсь на пароходѣ я сплю на голомъ полу и мнѣ *такъ хорошо!* Это, какъ и прежде, что-то какъ бы мести во мнѣ на меня же просить и... очищенія.

Но и это не важно. А то важно, что шла за тобою на подвигъ, а когда часть твоего подвига пришла—покинула тебя. Это не потому, чтобы рѣшимости въ сердцѣ не хватило, а потому, что вѣра въ человѣческое строительство не зажгла каждой единой моей кровинки до конца...

Все же, помнишь рубецъ на моей шеѣ отъ братиной бритвы? Значить: больно же мнѣ было тогда дѣвушкой еще, вдругъ *понять*, и такъ вдругъ глубоко застыдиться. Ну, а каково же теперь, когда сама себя перестала понимать и за все себя казнить должна?

Сама себя перестала понимать, вотъ что ужасно, и все отъ нея, этой кошки. Слушай. Вотъ мое открытіе, что есть зло непоправимое! Потому что съ людьми вѣдь какъ-нибудь можно же въ концѣ концовъ устроить. Было бы только побольше такихъ работниковъ вѣрныхъ и не оглядывающихъ, какъ ты. А теперь выслушай про непоправимое. У насъ вѣдь много завелось мышей, и я, въ твое отсутствіе, достала кошку. Я прежде кошекъ не любила, т. е. не заинтересовалась. А къ этой кошкѣ очень привыкла и полюбила.

Недавно она окотилась. Пять котятковъ. Четырехъ я на третій день захлороформировала. Это очень легкая смерть. Кошка какъ-то глухо скучала. Прибѣжить, уставится на меня такими янтарными глазами и мяукаетъ жалко и зазывно какъ-то. Не умѣю лучше сказать. Я ей положу котенка пятого къ соскамъ, она и успокоится. Вдругъ услышитъ—за кухонной дверью завопилъ котъ, и прыгнула къ нему. Значить: еще въ скоромъ времени будутъ котята, и потомъ еще, и такъ, если не хлороформировать, то пятнадцать въ годъ! А вчера мышь поймала, и я долго не могла разобрать, кто пищитъ у нея въ зубахъ—котенокъ или мышь. Кошка вѣдь въ зубахъ и котенка своего слѣпного таскала. И мнѣ стало страшно. Одного слѣпо, глухо любить, какъ въ глухомъ снѣ, другого мучаетъ и пожираетъ, также въ глухомъ снѣ. И толкаетъ желаніе во снѣ, какъ толчки родовъ, какъ судороги смерти...

Я такъ подумала: вся природа въ глухомъ снѣ. И стало страшно. Все глухо любить себя, и глухо пожираетъ не себя. Глухо вспыхиваютъ жизни, глухо потухаютъ. И что пришло—пройдетъ. И что любилось глухо—забудется мертво. Мнѣ такъ ясно почувдилось: міръ весь и человѣкъ въ немъ, какъ закол-

дованный, но все что живо — согласно съ чарами глухого сна.

Только вотъ есть въ человѣкѣ еще что-то несогласное. И это тѣмъ хуже, потому что вѣдь большею-то своею частью человѣкъ принадлежитъ этому сну, природѣ заколдованной. И все, что въ немъ живучее, земное, хлѣбное, тѣлесное, прекрасно-тѣлесное и желающее, — все отъ нея, отъ природы и ея сна. И наши усилія къ тому только направлены, чтобы рамки выстроить, такія рамочки, какъ, на примѣръ, восковые соты, чтобы никто въ своей сотинкѣ другому въ его сотинкѣ не вредилъ, и тогда будетъ общественное благополучіе, и каждому въ своей сотинкѣ свобода личности.

Но, такъ какъ, хотя и самая маленькая крупиночка, а все-таки есть, что не отъ міра сего, въ человѣкѣ, —то, когда такъ всѣ притихнуть въ своихъ благополучныхъ ячейкахъ то, думаю я, и услышать, какъ нестерпимо въ тишинѣ той громко мяукнетъ жалко и зазывно кошка и глянетъ на того благополучнаго человѣка покорными изъ сна глазами... Глянетъ на человѣка покорное изъ его сна—его непоправимое одиночество... И человѣку отъ той непокорной крупинки не усидѣть тогда въ своемъ слѣпномъ благополучіи.

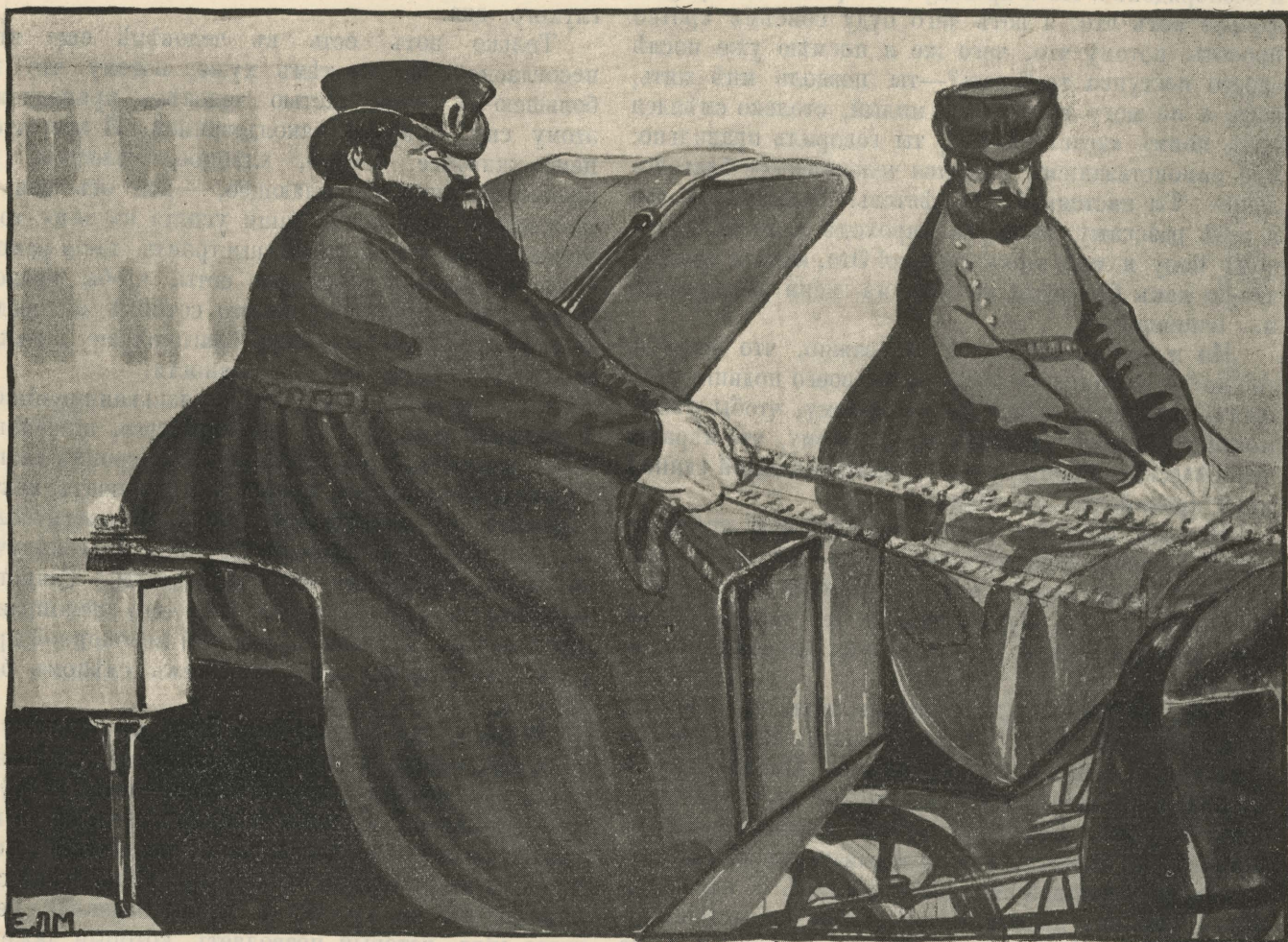
И что тогда сдѣлать ему? Какъ же человѣку расколдовать кошку, чтобы она *увидѣла* прозрѣвшаго котенка и затисканную мышъ, и меня—свою сестру бѣдную—человѣка? И чтобы человѣкъ, и кошка и мышъ нашли слово такое, чтобы расколдовать себя (потому что крупина, которая не отъ міра сего, какъ самый крѣпкій ядъ въ крови!) и чтобы огонь-то, не отъ этого міра, который позволяетъ, который даже приказываетъ мнѣ осудить и отрицать все, что не отъ огня моего, моего человѣческаго, не природнаго, не тѣлеснаго, не хлѣбнаго, не желающаго, не опаляющаго, красоты не здѣшней, —чтобы огонь мой разбудилъ своимъ звономъ міръ?..

Ахъ, видишь, я запуталась. Все должно быть ясно, чтобы работать плодотворно. Знаю. Вотъ еще немножко побуду одна. Я похожу одна. Выйду на берегъ и пойду по Россіи. Буду помогать руками людямъ, и чтобы ни одинъ закатъ не повторялся мнѣ на томъ же ночлегѣ. Буду нищею. И все разберу въ себѣ. Какъ это сдѣлать, чтобы не было въ человѣкѣ двухъ частей: одной въ заколдованномъ снѣ, другой въ безумной, но незаглушимой борьбѣ за невозможное?

А ты лучше меня, ты.....

Л. Зиновьева-Аннибалъ.

Громъ не грянетъ, кучеръ не перекрестится.

ИЗРЕЧЕНИЯ И ПРАВИЛА.

Жаждешь свободы? Иди служить въ полицію.
Жаждешь абсолютной свободы? Поступи въ агенты
охраннаго отдѣленія. Очень просто.

Самолюбіе твое, подобно мозоли твоей, вызвано
давленіемъ извнѣ,—знай это!

Будь милосерденъ—не убивай и блоху, раньше
чѣмъ поймашь ее.

Земля—это сердце Вселенной, искусство—сердце
земли.

Іегудилъ Хламида.

Не всякій лысый брюнетомъ быть. Это особенно
нужно помнить теперь, когда многіе считаютъ себя
героями только потому, что ихъ казакъ нагайкой
отхлесталъ.

Хотя у верблюда и длинная шея, однако не
рѣшайся утверждать, что верблюдъ подобенъ лебедю.
Также и о генералахъ, нынѣ занятыхъ упокоеніемъ
страны: нѣкоторые изъ нихъ человѣкообразны, но
закъ докажешь ты, что они не суть звѣри?

обрѣвки бумаги,

найдённые:

а) У Окружного Суда:

...«Лица, виновныя въ томъ, что послѣ обнародованія манифеста 17 октября подверглись, уличному разстрѣлу со стороны нѣкоторыхъ и артиллер»....

б) У редакціи газетъ:

„Изъ жизни партіи“. Ремонтъ пересылной тюрьмы въ настоящее вре.....»

в) У *)

„Алфавитный списокъ амнистированныхъ. Акимовъ, Аврамовъ, Витте, Дурново, Дуба....» **).

г) У благотворительнаго общества:

...«Въ пользу сиротъ, пострадавшихъ отъ конституціи собрано»...

д) Груды разноцвѣтной бумаги на Дворѣ Государственного Банка:

...«размѣниваетъ.. на золотую монету безъ ограниченія сумм»...

Подобралъ О. Д—овъ.

Удалились: Витте, Дурново и... Дубасовъ, прихрамывая.

*) Нельзя сказать гдѣ.

**) Далѣе повреждено.

ИЗЪ ПРОВИНЦІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

(Конфиденціально).

Донесеніе.

Честь имѣю донести Вашему Высо—ству, что крестьяне губерній Московской, Владимірской, Казанской, Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской, Самарской, Саратовской, а также Архангельской, Вологодской, Олонецкой и др., заранѣе добиваясь тюремныхъ послабленій для выбранныхъ ими депутатовъ Государственной Думы, объявили всеобщую политическую голодовку.

Скрѣпилъ О. Дымовъ.

СМЕРТЕРАДОСТНЫЙ ПОКОЙНИЧЕКЪ.

(Сказочка).

Былъ такой смертерадостный покойничекъ,—ходить себѣ по злчному мѣсту, зубы скалить и очень весело радуется. Другіе покойники его унимать было стали, говорятъ ему укоризненно:

— Ты бы лежалъ смирихонько, ожидая Страшнаго Суда,—лежалъ бы, о грѣхахъ сокрушаяся.

А онъ говоритъ:

— Чего мнѣ лежать,— я ничего не боюсь.

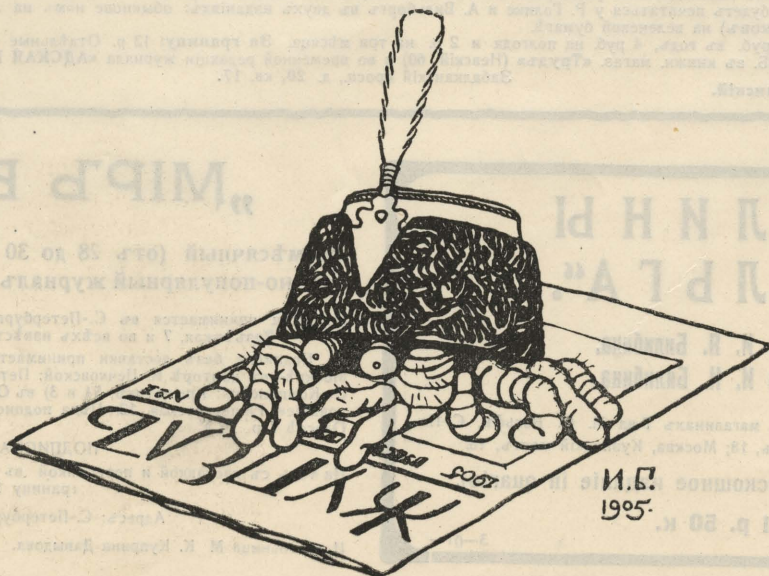
Ему говорятъ:

— Сколь много ты нагрѣшилъ на землѣ, все это разберутъ, и пошлютъ тебя въ тартарары, въ адскую преисподнюю, въ геенну огненную, на муки мученскія, на вѣки вѣчныя,—смола тамъ будетъ кипучая кипѣть, огонь восплаетъ неугасимый, а демоны-то, зѣло страховитые, будутъ мукамъ нашимъ радоваться.

А смертерадостный покойничекъ знай себѣ хочеть:

— Небось,— говорить,— меня этимъ не испугаешь,—я—рассейскій.

Федоръ Сологубъ.

Заставки и концовки въ текстѣ работы: Б. И. Анисфельда, П. Б., М. Д., Е. Е. Лансере, Д. Стеллецкаго и В. Я. Чемберса, заголовокъ работы. М. Д., на 2-ой стр.—гравюра XVI столѣтія

Редакторъ П. Н. Троянскій.

Издатель Е. Е. Лансере.

ХУДОЖНИКИ: Б. И. Анисфельдъ, Л. С. Бакстъ, Алекс. Бенуа, И. Я. Билибинъ, И. И. Бродскій, Аксель Галленъ (Финляндія), П. Галоненъ (Финлянд.), А. Ф. Гаушъ, И. Э. Грабаръ, З. И. Гржебинъ, М. Д., Ееро Ернефельдъ (Финлянд.), А. Зальцманъ, С. В. Ивановъ, Д. Н. Кардовскій, Е. С. Кругликова, Б. М. Кустодіевъ, Е. Е. Лансере, М. П. Латри, В. Н. Левитскій, А. Любимовъ, Е. К. Маковская, В. Д. Миліоти, Н. Д. Миліоти, А. П. Остроумова, Л. О. Пастернакъ, И. Плехановъ, І. Риссаненъ (Финлянд.), Ю. И. Рѣпинъ, Саариненъ (Финлянд.), К. А. Сомовъ, Д. С. Стеллецкій, В. А. Сѣровъ, П. Н. Троянскій, В. Я. Чемберсъ, М. Ч., П. Е. Щербовъ, К. О. Юонъ.

ПИСАТЕЛИ: Allegro, А. Амфитеатровъ, Л. Андреевъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Блокъ, В. Брюсовъ, А. Бѣлый, И. Бунинъ, Галичъ, М. Горькій, С. Гусевъ-Оренбургскій, О. Дымовъ, В. Жаботинскій, Б. Зайцевъ, Л. Зиновьева-Аннибалъ, Вяч. Ивановъ, В. В. Каррикъ, Н. Крандлевская, А. И. Купринъ, А. Б. Петрищевъ, С. Л. Поляковъ, Пѣкъ, А. М. Ремизовъ, Силѣнъ, Скиталецъ, О. Сологубъ, Тэффи, Д. В. Философовъ, Е. Н. Чириковъ, К. Чуковский, Г. Чулковъ, К. Эрбергъ и А. А. Яблоновскій.

ВЫПУСКАЮТЪ ЖУРНАЛЪ

Въ журналѣ примутъ участіе художники изъ журнала «Simplicissimus»—Т. Т. Гейне, Бруно Пауль, Р. Вильке, О. Гульбрансонъ. Изданіе будетъ выходить еженедѣльно размѣромъ отъ 12 до 16 стран. Въ каждомъ номерѣ 4—6 рисунковъ въ нѣсколько красокъ и 5—10 рисунковъ въ текстѣ. Журналъ будетъ печататься у Р. Голике и А. Вильборгъ въ двухъ изданіяхъ: обыкновенномъ на лучшей глазированной бумагѣ и роскошномъ (для подписчиковъ) на веленовой бумагѣ. Подписная цѣна: 8 руб. въ годъ, 4 руб. на полгода и 2 р. на три мѣсяца. За границу: 12 р. Отдѣльные номера 15 к., въ провинціи—20 к. Подписка принимается въ СПб. въ книжн. магаз. «Трудъ» (Невскій, 60) и во временной редакціи журнала «АДСКАЯ ПОЧТА».

Редакторъ П. Н. Троянскій.

Забалканскій просп., д. 20, кв. 17.

Издатель Е. Е. Лансере.

БЫЛИНЫ „ВОЛЬГА“.

Рисунки И. Я. Билибина.
Изданіе И. И. Билибина.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, С.-Петербургъ, Гостин. дворъ, 18; Москва, Кузнецкій мостъ, 18.

Цѣна выпуска (роскошное изданіе in quarto).

1 р. 50 к.

3—01—

„МІРЪ БОЖІЙ“

ежемѣсячный (отъ 28 до 30 листовъ) литературный и научно-популярный журналъ для САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Подписка безъ доставки принимается, кромѣ главной конторы: 1) въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской: Петровскія линіи, 2) въ Кіевѣ—въ конторѣ С. Компанейца: Крещатикъ, 54 и 3) въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ «Образованіе». Ришельевская, 12. Цѣна подписки безъ доставки въ Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ 7 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 р., безъ доставки 7 р., за границу 10 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова.

Редакторъ О. Д. Батюшковъ.

„ФАКЕЛЫ“

Каждая книга журнала выходит, как самостоятельный, вполне законченный сборник, под редакцией Г. И. Чулкова.

В издании сотрудничают следующие поэты и художники:

Леонид Андреев, К. Бальмонт, Л. Бакст, Ив. Билибин, А. Блок, В. Брюсов, Ив. Бунин, А. Белый, Максим Горький, Ив. Грабарь, Э. Гребинин, М. Д. Осип Дымов, Бор. Зайцев, В. Замирайло, Л. Зиновьева-Аннибал, Вяч. Иванов, А. Куприн, Е. Лансере, С. Найденов, А. Остроумов, А. Ремизов, Сергеев-енский, А. Серафимович, К. Сомов, Ф. Сологуб, В. Сиров, К. Эрберг, Георгий Чулков и мн. др.

Полный список сотрудников будет опубликован в ближайшей книге «Факелов».

В первой книге напечатан рассказ Леонида Андреева «Так было».

От Редакции:

Мы полагаем смысл исторического процесса в искании человечеством последней свободы. Мы приветствуем социалистическое движение, стремящееся разрушить старый экономический порядок, но социализм не является для нас единственной целью и последней формой общности. Свободная мысль и свободное творчество поэтов и художников, мудрецов и пророков — вот свет на пути человечества. Мы боремся за освобождение личности от чужей моральной, философской и религиозной догматики и не примиряемся с поверхностным мирозерцанием, которое пытается ограничить сферу душевных переживаний. Мы поднимаем наш факел во имя утверждения личности и во имя свободного союза людей, основанного на любви к будущему преображенному миру. В этом смысле мы анархисты. Полагая, что искусство само по себе является могучим орудием для борьбы с духом мещанства и косности, мы будем стремиться к тому, чтобы наши идейные цели раскрывались не в тенденциозности, а в свободном независимом творчестве.

На ряду с произведениями поэтов и художников, мы имеем в виду давать статьи по вопросам философии и общественности; в этом отделе в ближайших сборниках предложены к напечатанию статьи Вяч. Иванова, Н. Лосского, К. Эрберга, Г. Чулкова, Льва Шестова и др.

Адрес редакции и конторы: СПб., Саперный, д. 10, кв. 55.

Цена каждой книги 1 рубль (на обыкновенной бумаге) и 1 р. 50 к. (на лучшей бумаге). Книгопродавцам скидка 25%.

Лица, выписывающие непосредственно из склада, за пересылку не платят.

Принимается подписка на большую ежедневную политическую и литературную газету

„РѢЧЬ“

выходящую с 23-го февраля с. г. в С.-Петербурге, при ближайшем участии П. Н. Милюкова и Л. В. Гессена.

Подписная цена в России: на 9 мѣс. — 9 р., на 6 мѣс. — 6 р. 45 к., на 3 мѣс. — 3 р. 45 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.; за границу: на 9 мѣс. — 15 р. 50 к., на 6 мѣс. 11 р., на 3 мѣс. — 6 р., на 1 мѣс. — 2 р. Отдельные номера по 5 коп.

Адреса для телегр. СПб., Рѣчь.

Редакция: СПб., ул. Жуковского, 21. Тел. № 728.

Главная контора: СПб., Кирочная ул. 24. Тел. № 3388.

Городская контора: СПб., Невский пр., 30. Телефон № 787.

Издатель Ю. Б. Бакъ.

Редактор О. Е. Бужанский.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 г.

на новый литературно-художественный журнал политической и общественной сатиры

АЛЬМАНАХЪ

Журнал выходит один раз в мѣсяцъ, размером около 70 страницъ с рисунками и вѣнзетками в краскахъ.

Цена на годъ безъ доставки один рубль, съ пересылкой и доставкой 1 р. 50 к. Отдельный № 20 коп.

Участіе въ «Альманахѣ» принимаютъ сотрудники «Зрителя» и «Масокъ».

Контора «Альманаха»: С.-Петербургъ, Невскій, 90—92.

3—3.

Ежемесячный журнал искусств и литературы

„ВѢСЫ“

1906. Годъ изданія третій.

Задача «Вѣсовъ» — знакомить съ новѣйшими теченіями литературы и искусства, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ. Въ 1906 г. программа журнала расширена и въ немъ будутъ печататься: романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія, статьи по вопросамъ общественнымъ и философскимъ, біографіи и характеристики современныхъ писателей и художниковъ. Кромѣ того, каждый № «Вѣсовъ» даетъ подробный обзоръ культурной жизни всего міра, въ критическихъ замѣткахъ о новыхъ книгахъ, русскихъ и иностранныхъ, въ отчетахъ о художественныхъ выставкахъ, о замѣчательныхъ спектакляхъ и концертахъ, и т. п. «Вѣсы» имѣютъ собственныхъ корреспондентовъ въ главныхъ городахъ Зап. Европы. Всѣ №№ «Вѣсовъ» иллюстрированы оригинальными рисунками и вѣнзетками.

Участіе въ «Вѣсахъ» принимаютъ: К. Бальмонтъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Белый, Максъ Волошинъ, Э. Гиппиусъ, Вяч. Ивановъ, Маркъ Кривичъ, Н. Лернеръ, Д. Мережковский, проф. Морфилъ, П. Перцовъ, Ст. Пшибышевскій, В. Ребиковъ, В. Розановъ, Ф. Сологубъ, Д. Философовъ и мн. др.

Подписная цена на годъ (12 книгъ) съ пересылкой по Россіи пять рублей. Подписка принимается въ редакціи: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.

Редакторъ-издатель С. А. Поляковъ.

Продолжается подписка на новый еженедѣльный общественно-политическій культурно-философскій журналъ

„СВОБОДА И КУЛЬТУРА“

под редакціей С. Л. Франка при ближайшемъ участіи Петра Струве.

Въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ вошли: Н. А. Бердяевъ, О. Е. Бужанскій, С. Н. Булгаковъ, В. И. Вернадскій, В. М. Гессенъ, И. М. Гревсъ, Э. Д. Гриммъ, В. Э. Денъ, В. Б. Ельшичевъ, Д. Е. Жуковский, А. С. Изгоевъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, Б. А. Кистяковский, Н. А. Котляревскій, С. А. Котляревскій, Н. О. Лосскій, Д. С. Мережковский, М. М. Могилянскій, В. Д. Набоковъ, В. М. Нечаевъ, П. И. Новгородцевъ, Д. Н. Овсянко-Куликовский, М. Я. Острогорскій, И. И. Петрункевичъ, І. А. Покровский, А. Е. Прѣсняковъ, Ф. И. Родичевъ, М. Туганъ-Барановскій, Д. В. Философовъ, А. А. Чупровъ, Л. Шестовъ, Г. Н. Штильманъ и др.

Условия подписки: съ дост. и перес. на годъ 6 р., на 9 мѣс. (до 1 января 1907 г.) — 4 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. За границу на годъ 8 р., на 9 мѣс. — 6 руб., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по 20 к.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Телеф. 248. 75. Редакция для личныхъ объясненій съ сотрудниками открыта по вторникамъ отъ 3 до 5 ч.

Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства М. В. Пирожкова (Вас. О., Большою пр., д. 6). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

По соглашенію между издателями журнала «Свобода и Культура» и при-остановленнаго постановленіемъ Судебной палаты журнала «Полярная Звѣзда», подписчики «Полярной Звѣзды» будутъ получать журналъ «Свобода и Культура».

Издательница: М. Н. Могилянская.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1906 годъ (третій годъ изданія)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

искусства, литературы и общественной жизни

ПРАВДА

Въ наши дни группировки общественныхъ силъ, когда по всей русской землѣ идетъ усиленная ломка и всеобщее партійное строительство, «Правда» ставитъ своей задачей быть неизмѣннымъ выразителемъ интересовъ рабочаго класса и проводникомъ той его идеологіи, которая во всѣхъ странахъ была ему всегда надежнымъ компасомъ и служила и служить залогомъ побѣды.

Въ 1906 году ПРАВДА выходитъ въ свѣтъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Въ журналѣ участвуютъ: Б. В. Авилъ, Ю. Адамовичъ, П. Аксельродъ, Леонидъ Андреевъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, П. Берлинъ, Ив. А. Бунинъ, Ив. А. Бѣлоусовъ, Н. Валентиновъ, К. Н. Вентцель, Л. Войтоволскій, Г. Галина, Т. Б. Гейлиманъ, Н. Гилинъ, Сергій Глаголь, С. Н. Головачевскій, Максимъ Горькій, Е. П. Гославскій, И. Гриневская, Вл. Громанъ, Г. А. Гросманъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, И. Гурвичъ, А. Гуцинъ, Ф. Данъ, И. Джонсонъ, А. А. Дивильковский, В. І. Дмитріева, І. Г. Дроздовъ, С. Елеонскій, Б. К. Зайцевъ, В. И. Засуличъ, П. Звѣздичъ, Карлъ Каутскій, Н. И. Юрданскій, П. А. Кожевниковъ, А. М. Коллонтай, Ф. Е. Коршъ, А. Р. Крандлевская, Н. А. Крашенинниковъ, А. И. Купринъ, В. Н. Ладыженскій, Э. Ленскій, Дм. Лещенко, Максъ Ли, А. Е. Лоцикій, А. В. Луначарскій, В. Львовъ, Роза Люксембургъ, И. Д. Манычъ, Л. Мартовъ, П. П. Масловъ, Л. С. Миноръ, В. М. Михеевъ, С. А. Найденовъ, Л. Ф. Нелидова, Д. Н. Овсянко-Куликовский, М. П. Оленовъ, М. Ольминскій, В. Ольховскій, Вл. Орликъ, Е. Орловъ, Парусъ, Г. В. Плехановъ, К. М. Пономаревъ, А. И. Потресовъ (Старовѣръ), Мих. Радловъ, Г. И. Россолово, О. М. Рунова, Д. Сатуринъ, Орестъ Семинъ, А. Серафимовичъ, Н. А. Скворцовъ, Скиталецъ, Вас. Смирновъ, Е. Л. Смирновъ, Ю. Стекловъ, С. А. Суворовъ, Н. Танъ, Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковский, Вл. Уманскій, В. М. Фриче, А. В. Цингеръ, Анс. Чеботаревская, В. И. Шарый, Левъ Шейнш, В. М. Шулятиковъ, В. А. Щерба, Семенъ Юшкевичъ, А. А. Яблоновскій, Н. Янкевичъ, П. М. Ярцевъ, А. М. Оедоровъ и многіе другіе.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Москвѣ: въ редакціи журнала «Правда» — Кудрино 1, 18, на Арбатѣ — кн. маг. Путиловой; на Неглинной — кн. маг. «Журнальное дѣло»; на Тверской — кн. маг. «Трудъ» и кн. маг. «Жизнь»; на Домниковской — въ школьномъ домѣ Управы (библіотека учащихся).

2) Въ Петербургѣ: въ конторѣ журнала «Правда» — Загородный 21, 43; въ книжномъ складѣ «Книгобѣдъ», Екатерининскій каналъ, 80; въ книжномъ складѣ Соловьевой и Никольской — Троицкая, 3; въ Комитетѣ О-ва распр. пров. — Замятинъ пер., 4.

3) Въ Киевѣ: у Ф. Н. Литинскаго (Крещатикъ, 27); въ кн. маг. Просяниченко (Фундуклеевская, домъ женской гимназіи) и въ кн. маг. Идзико скаго (Крещатикъ, 35).

4) Въ Харьковѣ: у Я. М. Магазинера (Рыбная, 34) въ Харьковской Общественной библиотекѣ и въ кн. маг. Дредеръ (Московская, 21) и у Н. В. Петрова (Рыбная, 32).

5) Въ Одессѣ: въ конторѣ журнала «Правда» — кн. маг. «Образованіе» (Ришельевская, 12).

6) Въ Томскѣ и Иркутскѣ: въ кн. маг. Макушина и К°.

7) Въ Вильнѣ: въ кн. маг. Сыркина.

8) Въ Баку: въ агентствѣ «Сотрудникъ» (Сундукіанцъ) — Николаевская и в. кн. маг. Грушецкаго.

9) Въ Кішиневѣ: у Н. О. Шаха

10) Въ Севастополѣ: въ кн. маг. Протопоповой.

11) Въ Саратовѣ: въ кн. складѣ губ. земства (уг. Нѣмецкой и Александровской).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: годъ 8 р. (съ дост. и перес.), четверть 2 р. За границу — 10 р. 80 к. за годъ и 2 р. 70 к. за четверть.

Допускается разсрочка. Допускается выписка наложеннымъ платежомъ (на 50 коп. дороже). Въ уплату принимаются почтовые марки.

Адресъ редакціи: Москва, Кудрино, 1 телефонъ 73-10.

Адресъ конторы: Москва, Неглинная 4, телефонъ 50-08.

Подписка и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель Вал. Кожевниковъ.

7-й годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ. Годъ 7-й.

финляндская Газета

Будетъ выходить въ 1906 году по вторникамъ, четве гамъ, субботамъ и воскресеньямъ (кромъ дней послѣпраздничныхъ).

Въ промежуточные дни, въ случаѣ надобности, будутъ выпускаемы особые прибавленія.

Первый русский органъ въ Финляндіи, издаваемый въ Гельсингфорсѣ.
Телефонъ № 18-76.

Подписка на 1906 г. принимается

Въ Гельсингфорсѣ—въ складѣ русскихъ книгъ (Зап. Генриховская ул, 10) и въ редакціи.

Въ Петербургѣ—въ конторахъ газетъ «Правительственнаго Вѣстника», «Русскаго Инвалида», въ экономическомъ обществѣ офицеровъ гвардейскаго корпуса (Литейный пр., 20), въ конторѣ Метцля и К^о. (М.рская 11) и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Еремента».

Въ Москвѣ—въ конторѣ Л. и Э. Метцля и К^о. — Мясницкая, д. Сырова.
Иногородне благоволятъ обращаться въ редакцію «Финляндской Газеты» въ Гельсингфорсѣ (адресъ почтовому учрежденію извѣстенъ). Объявленія принимаются на русскомъ, финскомъ и шведскомъ языкахъ, въ редакціи, въ складѣ русскихъ книгъ въ Гельсингфорсѣ, и въ конторѣ объявленій Л. и Э. Метцля и К^о. въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.

Плата за строчку петита или занимаемое ею мѣсто, на 4-ой страницѣ 10 к. п. или 20 пенни. При многократномъ печатаніи уступка по соглашенію съ конторой газеты.

Подписная цѣна остается прежняя.

Въ Гельсингфорсѣ—на годъ 9 марокъ, на полгода 5 м-рокъ, на три мѣсяца 3 марки, на одинъ мѣсяць 1 марка.

Съ пересылкой въ другіе города—на годъ 4 р. или 11 м., на полгода 2 руб. 50 коп. или 6 м., на три мѣсяца 1 руб. 50 к. или 4 м., на одинъ мѣсяць 50 к. или 1 м. 50 п. За границу на годъ—6 р., на полгода—3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. Въ розничной продажѣ 10 п. или 4 к. Доли рублей и марокъ могутъ высылаться почтовыми марками по 7 и менѣе коп. или 20 и менѣе пенни. При годовой подпискѣ допускается разсрочка: для иногороднихъ Россіи: при подпискѣ, къ 1 марта, къ 1 мая и къ 1 июля по 1 рублю. Для Финляндіи: при подпискѣ—6 мар. и къ 1 июля—5 мар. или черезъ каждые 2 мѣсяца по 3 марки. Для городскихъ: при подпискѣ—5 мар., къ 1 июля—4 мар., или по три марки черезъ каждые три мѣсяца.

За перемѣну адреса 50 пенни или 20 коп.

Заявленія о неполученіи газеты должны гоступать въ контору не позже, какъ черезъ 2 недѣли со дня подписки.

Подписка принимается только съ 1-го и 15-го каждого мѣсяца.

При перемѣнѣ адреса должно прилагать не только новый, но и прежній, причемъ самая перемѣна производится лишь со слѣдующаго по перемѣнѣ адреса нумера.

Редакторъ И. А. Бажановъ.

„НАРОДНОЕ ДѢЛО“

газета политическая, литературная, экономическая, общественная, выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ за большими праздниками, подъ редакціей В. Е. Якушкина, при ближайшемъ участіи А. А. Макушова и В. А. Розенберга.

Народу нужно многое, и онъ будетъ пользоваться всѣмъ, что ему нужно. Но онъ не долженъ ничего и ни отъ кого ждать: все необходимое онъ самъ себѣ долженъ добыть, а для этого онъ долженъ стать свободнымъ народомъ. Поэтому «Народное Дѣло» настаиваетъ на неотложной необходимости строгаго обезпеченія свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, слова и печати, собраній и союзовъ, неприкосновенности личности, стоитъ за всеобщее, равное и прямое избирательное право, безъ гасличія пола, народности, вѣроисповѣданія, при закрытомъ голосованіи, за широкое участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ и въ государственномъ управленіи. Въ свободномъ, народно-представительномъ государствѣ всѣмъ гражданамъ должно принадлежать право выбора народныхъ представителей, а черезъ нихъ и участіе въ законодательствѣ и надзорѣ за дѣятельностью всѣхъ государственныхъ властей, обязанныхъ отчетомъ передъ представителями народа.

Такимъ образомъ «Народное Дѣло» стоитъ за строгаго конституціонный строй, за народно-представительное (парламентарное) правленіе.

Для личныхъ объясненій редакція открыта съ 3 ч. до 4 ч. дня ежедневно, кромѣ воскресеній и праздниковъ.

Поступившія въ редакцію рукописи не возвращаются.

Подписная цѣна

1) Съ пересылкой и доставкой: съ 1-го апрѣля до конца года 2 р. 25 коп., на восемь мѣсяцевъ 2 р. 10 к., на семь мѣсяцевъ 1 р. 85 к., на полгода 1 р. 60 к., на пять мѣсяцевъ 1 р. 35 к., на четыре мѣсяца 1 р. 10 к., на три мѣсяца 85 к., на два мѣсяца 60 к., на одинъ мѣсяць 35 к.

2) Безъ пересылки и доставки съ 1-го апрѣля до конца года 1 р. 60 к., на полгода 1 р. 10 к., на три мѣсяца 60 к., на одинъ мѣсяць 25 к.

Подписная плата почтовыми марками не принимается.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к.

Редакция и контора «Народнаго Дѣла» помѣщаются: Москва, Малая Никитская, д. Тороповой № 18, кв. 1 (телефонъ № 122—77).

Кромѣ конторы газеты подписка принимается въ ея отдѣленіяхъ: при конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и при складѣ книгоиздательства «Народное Право» (Чернышевскій пер., д. № 9, кв. № 26).

Объявленія въ газету «Народное Дѣло» принимаются въ конторѣ и у Н. Печковской.

Цѣна за объявленія: Передъ текстомъ за мѣсто, занимаемое строкой петита, 60 к.; послѣ текста—35 коп.

Контора открыта ежедневно отъ 10 ч. утра до 5 ч. дня. По воскресеньямъ и праздникамъ контора закрыта.

Издатель М. Коммисаровъ.

Редакторъ В. Якушкинъ.

Продолжается подписка на ежедневную (за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ) политическую и литературно-общественную газету

„УРАЛЬСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

Редакция «Уральскаго Дневника» ставитъ своей задачей служить интересамъ края, въ тѣсной связи ихъ съ государственной жизнью страны, проводя въ жизнь строгаго демократическіе принципы.

Подписная цѣна:

Съ 1 апрѣля до конца года 4 руб., на 6 мѣс. 3 руб., на 3 м. 2 руб. и на 1 мѣс. 70 коп.

Редакторъ-издатель К. М. Тухфатуллинъ.

Открыта подписка на 1906 годъ на

„ОРЕНБУРГСКУЮ ГАЗЕТУ“

Х-й годъ изданія

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 г 5 р. — к.	На 8 м. 3 р. 80 к.	На 4 м. 2 р. — к.
» 11 м. 5 » 70 »	» 7 » 3 » 45 »	» 3 » 1 » 50 »
» 10 » 4 » 40 »	» 6 » 3 » — »	» 2 » 1 » 10 »
» 9 » 4 » 10 »	» 5 » 2 » 50 »	» 1 » — » 55 »

За границу: на 1 г.—8 р. 50 к., на 6 м.—4 р. 50 к., и 1 м.—1 рубль.

За перемѣну адреса: иногородніе подписчики уплачиваютъ каждый разъ 20 коп., городскіе подписчики при переездахъ на дачу и обратно въ городъ приплачиваютъ по 10 коп. въ мѣсяць съ экземпляра.

Для лицъ, служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца, годовая подписка съ 1 января по 31 декабря.

„ОРЕНБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“ будетъ выходить по прежней программѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ столицахъ и крупныхъ центрахъ Редакция имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ.

Подписка принимается: въ Оренбургѣ, въ конторѣ Редакции, — Караванъ-Сарай, въ магазинѣ Грабовскаго и книжномъ складѣ Попечительства о народной трезвости—по Николаевской улицѣ.

Редакция покорнѣйше проситъ г.г. иногороднихъ подписчиковъ, во избѣжаніе замедленія высылкой газеты, при высылкѣ денегъ за газету, извѣщать особымъ письмомъ, съ указаніемъ № почтовой квитанціи въ сдачу денегъ.

Редакторъ С. П. Сафоновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 Г.

на еженедѣльный справочный журналъ

„Профессиональный Союзъ“

Изданіе Центральнаго бюро С.-Петербургскихъ профессиональных рабочихъ союзовъ.

Содержаніе: 1) Дѣятельность Центральнаго бюро. 2) Дѣятельность отдѣльныхъ союзовъ. 3) Хроника профессиональнаго движенія въ Россіи. 4) Теорія, практика и исторія профессиональнаго движенія на Западѣ. 5) Юридическій отдѣлъ. 6) Библиографія. 7) Почтовый ящикъ. 8) Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ С.-Петербургѣ на годъ 2 р., на полгода 1 руб. 10 коп. На города за годъ 2 руб. 50 коп., за полгода 1 руб. 25 коп.

Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Вышли №№ 1—5.

Адресъ конторы и редакціи: СПб., Усачевъ пер., д. № 6, кв. 2.

Контора открыта ежедневно отъ 1 до 4 час. дня.

Редакция открыта ежедневно отъ 7 до 9 час. вечера.

Продолжается подписка на 1906 г. на газету

„Волжскій Курьеръ“

(Форматъ газеты увеличенъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	безъ дост.	съ дост.	для иногород.
6 р. — к.	7 р. — к.	9 р. — к.	
» 6 мѣс. 3 » — »	4 » — »	4 » 50 »	
» 3 » 1 » 75 »	2 » 25 »	2 » 25 »	
» 1 » — » 65 »	— » 75 »	— » 75 »	

Допускается разсрочка платежа при подпискѣ.

Иногородніе адресуютъ деньги исключительно по адресу: Казань. Редакція «Волжскаго Листка».

Б. К.

КОКОВЦОВЪ

ТРЕПОВЪ

ХУДОЖНИКИ и ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, И. Билибинъ, М. Горькій, З. Гржебинъ, М. Добужинскій, О. Дымовъ, Вяч. Ивановъ, Д. Кардовскій, А. Купринъ, Е. Лансере, Силанъ, К. Сомовъ, В. Сѣровъ и Г. Чулковъ

ВЫПУСКАЮТЪ ЖУРНАЛЪ

АДСКАЯ ПОЧТА

Въ журналѣ примутъ участіе художники изъ журнала «Simplicissimus»—Т. Т. Гейне, Бруно Пауль, Р. Вильке, О. Гульбрансонъ. Изданіе будетъ выходить еженедѣльно размѣромъ отъ 12 до 16 стран. Въ каждомъ номерѣ 4—6 рисунковъ въ нѣсколько красокъ и 5—10 рисунковъ въ текстѣ. Журналъ будетъ печататься у Р. Голике и А. Вильборгъ въ двухъ изданіяхъ: обыкновенномъ на лучшей глазированной бумагѣ и роскошномъ (для подписчиковъ) на веленовой бумагѣ.

Подписная цѣна: 8 руб. въ годъ, 4 руб. на полгода и 2 р. на три мѣсяца. За границу: 12 р. Отдѣльные номера, 15 к. въ провинціи—20 к. Подписка принимается: въ С.П.Б. въ книжн. магаз. «Трудъ» (Невскій, 60) и въ редакціи журнала «АДСКАЯ ПОЧТА», НЕВСКІЙ ПРОСП. 102.

ОТДѢЛЕНІЯ «АДСКОЙ ПОЧТЫ» Москва: «Пресса», Мясницкая, 36; Одесса: П. Ф. Перельманъ, Гаванная, 9; Архангельскъ: И. К. Максимовъ.

Редакторъ П. Н. Троянскій.

Издатель Е. Е. Лансере.

„ФАКЕЛЫ“

Каждая книга журнала выходитъ, какъ самостоятельный, вполне законченный сборникъ, подъ редакціей Г. И. Чулкова.

Въ изданіи сотрудничаютъ слѣдующіе поэты и художники:

Леонидъ Андреевъ, Allegro, К. Бальмонтъ, Л. Бакстъ, Ив. Билибинъ, А. Блокъ, В. Брюсовъ, Ив. Бунинъ, А. Бѣлый, М. Горькій, И. Грабарь, З. Гржебинъ, М. Д., Осипъ Дымовъ, Бор. Зайцевъ, В. Замирайло, Л. Зиновьева-Аннибалъ, Вяч. Ивановъ, А. Купринъ, Е. Лансере, Мирз, С. Найденовъ, А. Остроумова, А. Ремизовъ, Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, К. Сомовъ, Ф. Сологубъ, В. Сѣровъ, К. Эрбергъ, Георгій Чулковъ и мн. др.

Полный списокъ сотрудниковъ будетъ опубликованъ въ ближайшей книгѣ «Факеловъ».

Въ первой книгѣ напечатанъ разсказъ Леонидъ Андреева «Такъ было».

Отъ Редакціи:

Мы полагаемъ смыслъ историческаго процесса въ исканіи человѣчествомъ послѣдней свободы. Мы привѣтствуемъ социалистическое движеніе, стремящееся разрушить старый экономическій порядокъ, но социализмъ не является для насъ единственной цѣлью и послѣдней формой общественности. Свободная мысль и свободное творчество поэтовъ и художниковъ, мудрецовъ и пророковъ—вотъ свѣтъ на пути человѣчества. Мы боремся за освобожденіе личности отъ цѣпей моральной, философской и религіозной догматики и не примиряемся съ поверхностнымъ міросозерцаніемъ, которое пытается ограничить сферу душевныхъ переживаній. Мы поднимаемъ нашъ факель во имя утвержденія личности и во имя свободного союза людей, основаннаго на любви къ будущему преобразованному міру. Въ этомъ смыслѣ мы анархисты. Полагая, что искусство само по себѣ является могучимъ орудіемъ для борьбы съ духомъ мѣщанства и косности, мы будемъ стремиться къ тому, чтобы наши идейныя цѣли раскрывались не въ тенденціозности, а въ свободномъ независимомъ творествѣ.

Наряду съ произведеніями поэтовъ и художниковъ, мы имѣемъ въ виду давать статьи по вопросамъ философіи и общественности; въ этомъ отдѣлѣ въ ближайшихъ сборникахъ предполагаются къ напечатанію статьи Вяч. Иванова, Н. Лосскаго, К. Эрберга, Г. Чулкова, Льва Шестова и др.

Адресъ редакціи и конторы: С.П.Б., Саперный, д. 10, кв. 55. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ «Наша Жизнь». Невскій, 19.

Цѣна каждой книги 1 рубль (на обыкновенной бумагѣ) и 1 р. 50 к. (на лучшей бумагѣ). Книгопродавцамъ скидка 25%.

ИЗДАТЕЛЬСТВО »ШИПОВНИКЪ«

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ
ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА
НА СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧ. ТЕМЫ
ВЪ ИСПОЛНЕНІИ ХУДОЖНИКОВЪ
~ ~ ~ SIMPLICISSIMUS ~ ~ ~
~ Т. Т. ГЕЙНЕ, ~ БРУНО ПАУЛЬ, ~
~ Р. ВИЛЬКЕ, ~ Е. ТЭНИ ~
~ »АДСКОЙ ПОЧТЫ« ~
~ Б. АНИСФЕЛЬДА, ~ И. БИЛИБИНА, ~
~ З. ГРЖЕВИНА, ~
~ М. ДОБУЖИНСКАГО, ~ Е. ЛАНСЕРА, ~
~ Д. КАРДОВСКАГО, ~ Б. КУСТОДІЕВА ~
~ И ДР. ~

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА
ПЕЧАТАЮТСЯ въ ТИПОГР.
~ ТОВАРИЩ. ~
~ Р. ГОЛИКЕ, ~ А. ВИЛЬБОРГЪ ~

АДРЕСЪ ~ ИЗДАТЕЛЬСТВА: ~
С.П.Б., ЗАГОРОДНЫЙ 23 КВ. 61

Вышли въ свѣтъ двѣ серіи открытыхъ писемъ: красочная (23 сюжета) и однотонная (20 сюжетовъ). Готовится и въ скоромъ времени выйдетъ изъ печати третья серія. Стоимость открытыхъ писемъ въ розничной продажѣ: красочн. — 10 коп., однотон. — 8 коп. Торговцамъ и оптовщикамъ дѣлается обычная скидка. Со склада открытыя письма продаются въ количествѣ не менѣе 200 штукъ. На комиссію изданія не отпускаются.

СТАЧКА.

Рис. Т. Т. Гейне.

— Надо бы сюда побольше полиціи. Этотъ сбродъ еще недостаточно прижать.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. С.П.Б., Звенигородская, 11.

Б. К.

ПОБѢДОНОСЦЕВЪ